

Майкл Мэнсон

Грот Дайом

Майкл Мэнсон
Грот Дайомы
Серия «Конан»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158852

Аннотация

Корабль Конана терпит крушение у острова, где живет прекрасная волшебница Дайома. У нее есть враг, злобный колдун, которого Конан должен уничтожить. Дайома дает ему помощника, могучего воина-голема, и они отправляются на север, в замок колдуна.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Майкл Мэнсон

Грот Дайомы

Глава 1

Замок и остров, корабль и буря

Пятеро обитали в мире: Великий Дух, Великий Маг, Великая Волшебница, Великий Воин и Великий Молчальник. Но воистину человеком был лишь один из них.

Он размышлял о своем могуществе. Могущество было дано Ему от рождения – как и всем Древним Богам и Древним Духам. Никто из них не помнил, когда и как явился в Мир – не в жалкий мир людей, обитавших на крохотном шарике меж твердью земной, океанскими водами и хрустальным куполом небес, но в огромный, безбрежный и сумрачный Мир Предвечного, простиравшийся среди звезд, светил и Градов Небесных, сотканых из золотистого тумана и алой дымки. Он тоже не помнил былого, ибо век Его, как у всех Древних Существ, почти равнялся бесконечности; и память, даже столь могучая, как дарованная Ему, не могла сохранить все – абсолютно все, что случилось с Ним на протяжении долгих бесчисленных эонов времени.

Иногда картины Предвечного Мира посещали Его; Он зрил круговращенье звездных островов, яркие вспышки световых лучей, тонувших в вечной ледяной тьме, сияющие огни туманных Градов, бархатный полог мрака, расшитый яркими узорами созвездий. Он смутно ощущал, как мчится в необозримом пространстве, сотрясая эфир, колебля звезды, сметая с пути огромные глыбы камня и льда – каждая из них превосходила размерами ничтожный булыжник, презренную песчинку, на которой ютился прах земной, людское племя. Что мог Он сотворить с их непрочной обителью? Качнуть слегка, вызвав страшную катастрофу, уничтожить одним движением мысли? Вполне возможно... Но люди забавляли Его, и Он не собирался их уничтожать. По крайней мере, пока.

Он даже испытывал к ним нечто вроде благодарности – не ко всем, разумеется, но к тем, которые становились Его Избранниками. С той поры, как собратья заключили Его в ловушку из плоти и костей, Он кочевал из тела в тело, выбирая всякий раз новую личину, новый характер и темперамент, новую судьбу. Это развлекало, это помогало скоротать безмерно долгое заключение, предписанное Ему теми, кто был сильнее и, следовательно, мог диктовать свою волю. Он уже не помнил их имен и не питал к ним злобы; в конце концов, отправив его в мир людей, они не лишили Его ни могущества, ни надежды на возвращение в звездные пространства.

Или Он в чем-то ошибался, и путь назад был для Него лишь несбыточной мечтой?

Но так ли уж жизнь человеческая отличалась от божественного существования? Пожалуй, различия были невелики, если не считать краткости отпущенного людям срока... Однако Он оставался неподвластным этому проклятью; Он мог вечно изменяться, переселяясь из тела в тело, мог продлить жизнь смертного существа, которое давало Ему приют. Как, например, последнего, чья кожа сохраняла свежесть уже две сотни лет, мышцы были по-прежнему сильны, члены – гибки и послушны. Два столетия, ничтожный срок! Для Него, не для Избранника... – Подумав об этом, Он ощутил мгновенный всплеск раздражения. Бесспорно, последний из избранных был неплох, совсем неплох, но вот уже несколько месяцев его снедали беспокойство и суетная страсть; и хотя причины возникшей тревоги представ-

лялись самыми ничтожными, игнорировать их Он не мог. Не мог, пока плоть и разум этого человека оставались Его обителью.

Так пусть этот страждущий получит то, чего добивается – свою женщину! Пусть возьмет ее силой либо угрозами, если не способен уговорить, улестить, соблазнить богатством или властью, призраком любви, обещаниями и посулами... Пусть пленит ее магической сетью, пусть пригрозит ей гибелью, пусть сокрушит ее сопротивление чародейством! Пусть овладеет ею и успокоится...

Конечно, смертный Избранник – лишь сосуд, вмещающий призрака надзвездных стихий, Духа Изменчивости, но этот сосуд должен быть прочен.

* * *

За окнами ярилась буря. Свинцовые оконные переплеты с толстыми чешуями стекла отражали натиск ветров, но в обширном темноватом чертоге было немногим теплей, чем снаружи, где над берегом и оледеневшим морем метались низкие сизые тучи, сыпавшие снегом. Впрочем, властителя замка Кро Ганбор это не беспокоило; он любил холод.

Да, холод был ему больше по нраву, чем тепло, хоть родился он в жаркой Стигии, на плодородных берегах Стикса, где поля давали два урожая в год, где солнце палило словно гигантский костер, разведенный в небе, где раскаленные камни трескались, если плеснуть на них водой, а пески, остывая по ночам, пели и стонали на тысячу голосов. Жара была привычна для стигийцев чистой крови, для магов и жрецов, происходивших от древних обитателей долины Стикса – столь же привычна, как легкие одежды и глоток кислого освежающего вина в полдень. Он тоже был стигийцем и магом, но все-таки предпочитал льды севера южному зною. И он не носил легких одежд и не пил вина.

Коснувшись узкой ладонью заиндевевшего стекла, маг выпрямился и хмуро оглядел просторный сводчатый покой. Был чародей высок и строен, с обычной для стигийцев кожей цвета старого янтаря; крупный нос с широкими ноздрями нависал над тонкогубым ртом, щеки и виски высокого лба казались чуть впалыми, раздвоенный крепкий подбородок говорил о внутренней силе и уверенности в себе. Пожалуй, его можно было бы счесть красивым, если б не холодный и высокомерный взгляд широко расставленных глаз, не кустистые грозные брови и копна волос, беспорядочно спадавших на спину. Волосы, буйные и черные, как воды северного моря, контрастировали с желтовато-белым мехом плаща; под плащом из медвежьей шкуры серебрились иные меха, полярных лис – из них была скроена длинная, до щиколоток, хламида. Воины-ваны, его слуги, любили облачаться в меховые одеяния, и он перенял у них этот обычай.

Маг отошел от окна и неслышной походкой направился к большому каменному столу, занимавшему середину чертога. Стол этот, высеченный из глыбы черного гранита, формой своей походил на алтарь Великого Змея в Луксуре, но хозяин замка Кро Ганбор не поклонялся Сету – как и всем прочим богам, темным или светлым; он полагал себя равным им. Когда-то, очень давно, он считался членом Черного Круга... он даже думал, что удостоен высочайшей чести, сделавшись учеником учеников Тот-Амона, главы стигийского жречества... Ничтожный учитель, презренные ученики! Разве кто-либо из них обладал хоть каплей его нынешней власти, его безмерного могущества? Разве могли они повелевать стихиями, насылать ветры, штормы и бури, раскалывать горы, вздымать морские волны до небес? Ему же все это было доступно – правда, мощь его с расстоянием слабела, и причинить серьезные неприятности своим соплеменникам в Стигии он не мог. Другое дело, Ванахейм, Асгард, Киммерия и север Пустоши Пиктов; тут он был почти всевластен! Но сейчас страны эти не интересовали мага, ибо внимание его в последнее время приковывал Западный океан.

Он наклонился над столом, и в темной полированной поверхности всплыло отражение его черт – лицо сорокалетнего мужчины, хоть прожил стигиец впятеро дольше. Он давно не удивлялся тому, что не старится; то было явственное и зримое следствие его могущества, власти над людьми, стихиями и временем, которую он ощутил в некий благословенный миг еще в юности; тогда-то он и распростился с Черным Кругом, словно дитя, переросшее старую убогую одежду. Мощь и сила снизошли к нему, пробудив от сна обыденности и ничтожности – и они же сделали душу его холодной, как глыба льда. Так длилось десятилетиями, и так могло бы длиться целую вечность – если б не она!

Она! Зеленоглазая рыжая колдунья! Непокорная ведьма!

Откинув на спину тяжелый плащ, маг возложил руки на холодный камень. Губы его зашевелились, творя заклятья; он шептал, бормотал, и постепенно слова начали складываться в песню – в давно привычный гимн, коим он вызывал Силу. Ее природа оставалась для стигийца загадкой: иногда он считал, что ему покровительствует некий дух или божество, превосходящее могуществом и Сета, и Нергала, и Аримана, и самого Митру; в другие же мгновения ему казалось, что дух обитает в нем самом, что Власть и Сила присущи ему от рождения и лишь пробудились в нужное время, в день, когда он достиг зрелости. Как бы то ни было, он мог повелевать, и он повелевал! Всеми, кроме этой зеленоглазой женщины...

Медленно, неторопливо текли слова:

Камни, станьте прозрачными,
Обратитесь в жидкую влагу,
Воды, взвейтесь паром,
Улетите тучей,
Тучи, развейтесь туманом,
Туман, выпади дождем,
Дождь, слейся с морем,
Воды морские, расступитесь!
Падите, покровы,
Желанное, явись!

Он трижды произнес последние слова, и каменная поверхность вдруг сделалась зыбкой и мглистой, словно туман, потом – зеленовато-голубой, как воды теплого моря, потом – прозрачной, подобно кристаллу горного хрусталя. Миг – и в бездонной глубине всплыло что-то яркое, пестрое, изумрудное, алое и золотое, обрамленное сапфировой оправой с причудливыми серебристыми завитками. Маг повел рукой над смутным изображением, и оно приблизилось: изумрудное, алое и золотое стало цветущей поверхностью земли, сапфировое – волнами океана, серебристые завитки – ажурной пеной, блиставшей на гребнях морских валов. Они катились мерной чередой, вылизывали золотистый песок, обдавали водяной пылью белые рифы и серые гранитные утесы, обнимались с водами ручьев, струившихся под зеленым пологом леса.

Остров! Он был виден с высоты птичьего полета, прекрасный, как сон, и многоцветный, точно оперение царственного павлина; он и был сном, Землей Снов, ибо владычица его повелевала сновидениями и фантомами.

Но ей были подвластны и другие силы, более реальные, чем неощутимая ткань миражей; и стигиец жаждал обладать не одним лишь ее телом, но всей чарующей и чародейной ее сущью. О, с каким наслаждением он испил бы из этой чаши! Но пока – пока она была сильным противником. Равным! Почти равным...

Картина прекрасного острова затуманилась; теперь сквозь нее проступили женские черты, видимые смутно, ибо расстояние было велико. Маг облизнул пересохшие губы; это

лицо виделось ему в снах, мерещилось в грезах – искаженное страстью, с капельками пота, выступившими на висках, с глазами, полными неги... Но сейчас глаза женщины, сверкающие, как две зеленые звезды, смотрели холодно и спокойно; внезапно она с досадой повела рукой, и изображение исчезло. Перед стигийцем темнел лишь гладкий полированный камень.

Он шумно выдохнул и запахнулся в меховой плащ, будто вдруг ощутил промозглую сырость и холод своего заледеневшего чертога. Потом медленно подошел к окну и, открыв его, подставил грудь порывам ураганного ветра. За окном простирался двор, заваленный сугробами; с трех сторон его обрамляли подобные скалам стены, а за ними лежал промерзший на десять локтей океан, над которым клубились сизо-серые тучи. И не верилось, что где-то на юге воды этого моря свободны от льда, что несутся они вдаль словно неукротимые голубые скакуны, что сияет над ними солнце, глаз светлого Митры, что у самого горизонта встречаются они с цветущей землей, с теплым песком и белоснежными утесами, и поют им свою несмолкающую песню.

Долго стоял маг, взирая на северную бурю, а потом с губ его потекли слова – те слова, что произносит всякий отвергнутый женщиной мужчина. И не было в них ни мудрости, ни спокойствия осознающей себя силы, ни трепета любви, ни прощения, ни снисхождения – одни лишь ярость и жажда мести. Он грозил; грозил, что испепелит золотые пески Острова Снов, обратит в прах его деревья и цветы, наполнит горькой тиной его ручьи и озера, сокрушит скалы, растопчет, разрушит красоту – так, что белое станет черным, алое – кровавым, золотое – серым, изумрудное – гнилостно-зеленым.

Она не хочет его видеть? Так пусть узнает, сколь велика мощь отвергнутого! Пусть изведает ее и ужаснется! Пусть страх овладеет ее душой, заползет в ее сердце! Пусть страх сломит ее! От страха до покорности – один шаг...

Вскинув руки, он начал выкрикивать ужасные заклятья. И, повинувшись Власти его и Мощи, с грохотом взломал льды океан, взвыли ветры, подхватили ледяные осколки и понесли их на запад и на юг, к тем далеким пределам, где некогда лежала благословенная земля Атлантиды, канувшая в пучину четыре тысячелетия назад. Последний осколок, оставшийся от этой земли, никогда не знал ярости полярных ветров и обжигающего холода снега; мириады эонов времени он нежился под солнцем, словно прекраснейший цветок из садов Митры. Но посланная с севера буря стремительно надвигалась на теплые моря; мчался неистовый, страшный ураган, и Остров Снов, дремавший в ласковых водах, лежал на его пути.

* * *

Некогда этот осколок древнего материка, уничтоженного Великой Катастрофой, был дик и безлюден. Когда прекратилось борение вод и подземного огня, он остался над морской поверхностью, и боги, пощадившие сей клочок суши, позабыли о нем; ни злобный Сет, ни благостный Митра, ни мрачный Нергал, ни Мардук, Ариман, Ормазд, Асура, Исида не претендовали на эту печальную землю, сожженную пламенем, сокрушенную ветрами. Она не привлекла бы даже Бела, хитроумного бога воров, ибо, при всем его искусстве, красть тут было совершенно нечего – разве что оплавленные камни или раковины со сгнившим содержимым. Так и торчал бесплодный островок посреди Западного океана, никому не нужный и всеми позабытый.

Но пришла Владычица Снов, и все переменялось. Грубый серый песок из перемолотой волнами гальки превратился в тончайшую золотую пыль, уже не коловшую, а нежившую босые ступни; прибрежные скалы, серые и унылые, заиграли оттенками коричневого и красного, желтого и карминного, украсились гротами и пещерами, а формой своей

вдруг стали напоминать то донжон аквилонского замка, то стройный туранский минарет, то купол вендийского или кхитайского храма, то шпили и причудливые кровли дворцов Офира. Между скал и камней зажурчали ручьи и речки, зазвенели водопадами, потекли, заструились: одни – в прогретые солнцем озера, другие – в океан; по берегам их встал лес из деревьев тысячи пород, на просторных полянах распустились цветы, древесные стволы оплели лианы с огромными палевыми и лиловыми бутонами, у корней же лесных исполинов выросли травы и папоротники с ажурными листьями, бархатно-зеленые мхи, кустарник и бамбук. Появились тут и фруктовые рощи: развесистые яблони, сливы и вишни, цветущие круглый год, угловатые фиговые деревья и многие другие, чьи ветви гнулись под грузом золотистых апельсинов и абрикосов, румяных персиков, ароматных груш. На склонах холмов вырос виноград, в низинах – орешник и ягодные кусты, за песчаными пляжами поднялись пальмы, а чуть дальше от берега – маслины и оливковые деревья, благородный лавр, душистая магнолия и зеленые свечи кипарисов. Все, все переменялось на острове, и лишь коралловые рифы по-прежнему торчали из воды у его берегов, не то охраняя их, не то украшая; они были твердыми, несокрушимыми и прекрасными – белые, в кружеве белой пены набегающих волн.

Прекрасен был новосотворенный остров, и светлые божества, заметив это, подарили сей осколок земли Владычице. Воистину, она была достойна такого подарка, ибо являлась почти богиней – если не совсем богиней, то уж возлюбленной богов или, по крайней мере, одного бога, светлого Ормазда. И хотя божественная страсть давно иссякла, Ормазд хотел вознаградить красивейшую из женщин, удостоившихся его внимания. И был Владычице дарован остров – так же, как ранее была дарована ей магическая Сила и власть над Снами.

Да, прекрасным выглядел ее остров в зеленом и золотом убранстве; не хватало лишь на нем живых тварей, способных изгнать лесную тишину рыком и писком, птичьими трелями и гулом пчелиного улья, топотом копыт и мягким шорохом лап. Однако многое было во власти Владычицы; и хоть не могла она, подобно богам, творить новое, но то, что узрели ее прекрасные глаза один раз, запоминала навсегда. Таково свойство снов: в них возвращаются к людям увиденные некогда картины и лица. Владычице же подвластно было сделать эти дремотные видения реальностью, обратив камень и пески в живых существ – в тех, что обитают на Великом Туранском материке и на континентах Запада и Юга, неведомых жителям хайборийских стран. Повелела она – и жаждали над цветами пчелы, запорхали яркие бабочки; муравьи принялись стаскивать в кучи опавшую хвою, пауки развесили сети в траве, в ручьях и озерах заплескались рыбы, на теплые каменные плиты выползли пестрые ящерицы, птицы начали вить гнезда в древесных кронах, меж ветвей засновали крохотные робкие обезьянки, серые и рыжие белки, а внизу, среди папоротника и трав, засуетились бесчисленные твари и тварюшки, ежи и барсуки, еноты и зайцы, мыши и суслики, мангусты и свинки-пекари, и такие создания, каких не видывали ни в Аквилонии, ни в Шеме, ни в Стигии, ни даже в далеком Кхитае. Но зверей неприятных видом или мерзких повадками здесь не водилось: были тигры, львы, леопарды и волки, но не было гиен и шакалов; были питоны, вараны и черепахи, но не было ядовитых змей и крокодилов; были олени и антилопы, но не было диких кабанов. Так захотелось Владычице – и стало по сему.

Но на том труды ее не были закончены, ибо надлежало создать достойную обитель, пышный дворец, богатый чертог, где поместились бы слуги ее и служанки, где были бы просторные покои, залы со сводчатыми потолками, галереи, украшенные всеми сокровищами мира, мраморные лестницы, балконы с резными парапетами, многие и многие комнаты с коврами, фонтанами, статуями и драгоценной мебелью. Среди мебели той полагалось быть шкафам, полным нарядами, зеркалам и хрупким столикам с душистыми эссенциями, ларцам с ожерельями и Диадемами, хрустальным семисвечникам и ложам, устланным яркими тканями – ибо Владычица, несмотря на колдовскую силу свою, оставалась женщиной, и ничто

женское не было ей чуждо. Еще во дворце полагалось устроить кухню и кладовые с запасами еды и питья, и особые хранилища для магических предметов, не всегда безопасных, таящих до времени свою благодетельную или губительную мощь; еще нужны были бани и бассейны с теплой душистой водой, и зал для танцев, и другой зал, с алтарями светлых богов – ибо почитала их Владычица, зная предел силы своей, и не желала оскорбить высокомерным небрежением ни одного из тех, кто правил миром.

Когда же дворец ее был закончен – великолепный и сияющий, полный роскоши, покорных слуг и верных воинов – сотворила она под самым глубоким подвалом еще одну камеру. И там, на железном постаменте, лежал камень – самый крепкий из камней, какие нашлись на острове. Быть может, базальт или гранит, или иная порода – из тех, с которыми едва справляются молот и острое стальное зубило. Был тот камень бесформенным, шероховатым и грубым, размером в шесть с половиной локтей, цвета серого ненастного неба, и потому называла его Владычица Серым Камнем. Безжизненный обломок стыл в подземелье, холодный и мертвый, угрюмый, как породившая его скала; лежал и ждал своего часа. И час этот приближался.

Но еще не наступил! Не наступил, ибо до времени свершений полагалось многому произойти; одни узлы должны были завязаться, другие – распасться под лезвием рока; чему-то предстояло стать разрушенным, чему-то – воссозданным, чему-то – впервые сотворенным.

Чему же? Владычица пыталась выяснить это, глядя в магическое зеркало из дымчатого хрусталя, дар светлого Ормазда. Она хмурилась; в прозрачной глубине ее волшебного кристалла мелькали туманные видения мрачной крепости под мрачным северным небом, мрачного покоя с узкими окнами, забранными свинцовым переплетом, мрачного, смуглого и высокомерного лица с кустистыми бровями и гривой черных волос. Потом все скрыли хлопья снега, кружившиеся в бешеном танце. Надвинулись грозовые облака, заблестали беззвучные молнии, полярные ветры взвихрили поверхность стылых вод, погнались тучи и волны к югу. Шторм, необузданный и дикий, ширился и рос, захватывая все новые и новые пространства океана; левый его край должен был коснуться побережья страны пиктов, Зингары и Барахского архипелага, правый же колыхал воды у берегов далекого Западного материка. Но самый центр урагана, грозный и темный, как пасть яростного демона, двигался к Острову Снов.

Владычица знала: еще день или половина дня, и ее крохотное прекрасное царство будет сметено водами и ветрами. Взвихрятся золотые пески, рухнут деревья, сладкие струи источников станут горше разлившейся желчи, камни и мертвая пыль завалят лужайки, снег убьет цветы; погибнут птицы и 3-вери, и все живое станет избитой, израненной плотью, а утром на камнях и на увядшей листве выступит не роса, а кровь. Предвидела она эти великие бедствия и могла бы их предотвратить, послав бурю навстречу буре, оборонившись ураганом против урагана. Тогда столкнулись бы две силы в океанских просторах и уничтожили друг друга – а может, и переборола бы Владычица северный шторм, ибо вблизи Острова Снов мощь ее была велика.

Да, могла бы она справиться с надвигавшейся бурей, но, заглянув еще раз в свое магическое зеркало, увидела, что несет та буря к ее острову корабль. Был он длинным и узким, со стремительными обводами, бронзовым тараном и резной тигриной головой на носу – не из тех судов, что возят груз и убегают, а из тех, что преследуют и отнимают. Две мачты и тридцать весел по каждому борту; тридцать весел, взбивающих пену в сильных руках крепких молодцов. Молодцы же те были коренастыми и смуглыми, кареглазыми и темноволосыми, явными уроженцами Барахских островов; головорезы, промышлявшие в морях пиратством и разбоем.

И несла полярная буря корабль с тигриной головой прямо на Остров Снов.

А у руля его стоял капитан – тоже темноволосый, но, в отличие от людей своих, высокий и могучий, как вершина Карпашских гор, с глазами цвета неба на закате.

Были очи его синими и грозными, и взор Владычицы тонул в них, словно в бездонном колодце. И почувствовала она дрожь в руках, трепет в сердце и радость в душе – ибо тот, о ком она давно мечтала, за кем следила долгие месяцы в своем зеркале, плыл сейчас прямо в ее объятия и не мог свернуть ни к западу, ни к востоку: невиданная буря гнала его на юг, к берегам Острова Снов.

И тогда решила Владычица: будь что будет. Пусть то, чему надлежит разрушиться и умереть, разрушится и умрет; а то, чему суждено возникнуть и разгореться, возникнет и запылает ярким пламенем. Весь свой нелегкий труд, весь свой прекрасный остров она отдавала за эту встречу, ибо жертва прекрасного являлась ценой любви.

Стоит ли удивляться? Ведь она была женщиной и не могла поступить иначе.

* * *

– Ну и шторм, капитан! – прокричал кривоногий кормчий-барахтанец. – Ну и шторм! Прах и пепел! Клянусь ядовитой слюной Нергала, такого я не встречал тридцать лет, что плаваю по морям!

– Куда нас несет, Шуга? – Капитан, вцепившийся в кормовое весло, приподнял голову. Он пытался высмотреть просвет в тучах, но его не было; наоборот, грозовые облака становились все темнее, в них начали посверкивать молнии, а ледяной полярный ветер разыгрался во всю, вздымая волны выше палубы «Тигрицы».

– Куда несет? – повторил кормчий. – Прямоком на Серые Равнины! Одно удивительно: я думал, дорога к ним начинается где-то в Асгарде или в северных гирканских горах, а нас отбросило к югу.

– Окочуриться можно в любом месте, – заметил капитан, чувствуя, как вздрагивает под ногами палуба корабля. – А что б этого не случилось, велика, парень, спустить паруса и срубить мачты. И, во имя Крома, гони всех бездельников на гребную палубу! Пусть берутся за весла и не вопят у меня под ухом о близкой смерти!

– Грести при такой волне? – Шуга с сомнением пожал плечами.

– А что нам еще остается, старый пес? Ждать, пока морские демоны заглотят нас, прожуют и выплюнут кости на ветер?

Кормчий хмыкнул и отправился выполнять приказание. Вскоре над палубой прозвучал его хриплый рев:

– Паруса долой, ублюдки! Беритесь за топоры, мачты – за борт! Шестьдесят мерзавцев – на весла! Остальным – привязаться крепче и слушать мою команду! Да пошевеливайтесь, дохлые ослы! Кого смочет за борт, тот отправится прямоком на корм акулам!

Капитан пошире расставил ноги; рулевое весло прыгало в его руках словно живое, и с каждым мгновением удерживать «Тигрицу» на курсе становилось все трудней. Да и можно ли было говорить о каком-то курсе, если даже Шуга, опытный морской волк, не знал, куда их несет? Буря гнала корабль на юг, и через сутки они могли очутиться где угодно: у побережья Черных Земель, в открытом море или у скал легендарного Западного материка, куда не добирался никто из хайборийцев. Уже сейчас они плыли в неведомых водах, ибо, преследуя день назад зингарского «купца», сильно уклонились к западу. «Купец», удиравший на всех парусах, благополучно пошел на дно, перевернувшись при первом же сильном порыве урагана; «Тигрице» же, где часть парусов была вовремя спущена, удалось устоять. Надолго ли?

Застучали топоры, и капитану показалось, что лезвия их впиваются не в основания мачт, а прямо в его сердце. Он любил свой корабль – не только потому, что судно было крепким, надежным и быстроходным; были и еще причины для крепкой привязанности.

Эта галера напоминала ему о другой «Тигрице», должно быть сгнившей уже в какой-нибудь бухте Черного Побережья либо разбитой волнами о камни. И помнилось еще ему о хозяйке того корабля, принявшей смерть в мрачных джунглях, на берегах Зархебы, проклятой реки... Помнилось и не забывалось, хоть прошло с тех пор года три или четыре, а может, и все пять... Время само по себе ничего не значило для него; он измерял истекшие сроки не днями и месяцами, не солнцами и лунами, а событиями – тысячами локтей, пройденных по морю или по суше, ограбленными кораблями, захваченными богатствами, смертями приятелей, соратников или врагов. Но та женщина, хозяйка прежней «Тигрицы», была не просто соратником... И потому он не мог до сих пор забыть о ней.

Мачты с грохотом рухнули в кипящую воду, снеся половину фальшборта. Внизу, на гребной палубе, раздавался мерный звон гонга, скрип весел и дружное «Ух!» гребцов; они старались изо всех сил, но широкие лопасти то утопали в набежавшей волне, то без толку бороздили воздух. Тем не менее, ход галеры стал уверенней, и теперь она лучше слушалась руля. Если шторм не сделается сильнее...

Но буря усиливалась с каждым мгновением. Тучи, нависавшие над морем, опускались все ниже и ниже, водяные же холмы превращались в горы, разделенные провалами темных пропастей; северный ветер ярился и швырял в лицо соленые брызги, играл кораблем словно щепкой, попавшей в гибельный водоворот. Вдобавок – невиданное дело в южных краях! – пошел снег, забушевала метель, и была она не слабее, чем в Асгарде или Ванахейме. Сразу резко похолодало; ноги скользили по доскам, и два десятка моряков, еще остававшихся на палубе, начали вязать новые узлы. Одни сгрудились у обломков мачт, другие – у трапа, ведущего на кормовую надстройку, третьи – у распахнутого люка. Харат, парусный мастер, привязался к носовому украшению, что изображало тигрицу в прыжке, с разинутой пастью; у него было на редкость острое зрение, и сейчас он, как раньше капитан, пытался разглядеть просвет в тучах.

Шуга, кормчий, поднялся к рулевому веслу и обхватил его обеими руками. Но морские демоны были сильнее, чем два человека; весло по-прежнему прыгало, вырывалось из скрюченных пальцев, норовило сбросить обоих рулевых за борт.

– Снял бы ты сапоги, капитан, – сказал Шуга. Сам он уже успел разуться: босые ступни меньше скользили по палубе.

– К чему, приятель? Доски уже обледенели... А я хотел бы отправиться к Нергалу в сапогах.

– Ха! Станет Нергал разглядывать, обут ты или бос!

– Не станет, верно. Но я собираюсь пнуть его в зад, а в сапогах-то пинок выйдет покрепче!

Они оба захохотали, болтаясь, словно тряпичные куклы, на конце рулевого весла. Потом Шуга пробурчал:

– Так он и подставит тебе свою задницу! Нергал, знаешь ли, шустрый малый; недаром ему поручено надзирать за душами мертвых.

– Говорят, он обнюхивает каждого, кто готовится ступить на Серые Равнины, – вымолвил капитан. – Чтобы узнать, много ли грехов у покойника и каким запахом тот смердит... Вот тут-то я его и пну! А не выйдет, разрисую проклятого ножом!

Он похлопал по рукояти кинжала, торчавшего за поясом. Клинок был хорош: обоюдо-острый, в три ладони длиной, в изукрашенных самоцветами ножнах. Стигийская добыча, взятая в крепости Файон на берегу Стикса... Стигийцы же – известные чародеи; быть может, и этот кинжал был заколдован? Самая подходящая штука, чтоб подколоть Нергала...

– Не кликнуть ли подмогу? – сказал кормчий. – Это весло отбило мне все ребра. Пепел и прах! Оно вертится, как бедра аргосской шлюхи!

– Только они будут помягче, – со знанием дела заметил капитан.

Шуга, повернув голову, заорал:

– Эй, Патат, Сtimo, Рикоза! И ты, Рваная Ноздря! Сюда, бездельники! Поможете с веслом!

Моряки зашевелились, кто-то начал резать канат, но внезапно огромный вал вознес «Тигрицу» к небесам, а затем вверг в сине-зеленую пропасть. Корпус затрещал, жалобно застонала обшивка, раздались испуганные вопли гребцов; несколько веревок лопнуло, и два человека полетели за борт. Теперь никто не рисковал распустить узлы.

– Клянусь печенью Крома, – произнес капитан, – у нас убытки, кормчий. Кажется, Брода и Кривой Козел...

– Да будет их путь на Серые Равнины выстлан туранскими коврами! – отозвался Шуга. – Эй, Патат, Сtimo, Рикоза, Рваная Ноздря! Сидите, где сидите, парни! Не развязывайте веревок!

– Это правильно, – одобрил капитан. – Смоет ублюдков, не успеют и шага сделать. А так...

«А так, – подумалось ему, – пойдем на дно всей командой, только без Броды и Козла».

Внезапный гнев охватил его; холодное бешенство, ярость, злоба на этот мятущийся темный океан, уже пожравший двоих и разинувший пасть на корабль со всем остальным экипажем. Но жизни этих людей, всех восьмидесяти пяти, принадлежали только ему, капитану! Он, он сам, разыскивал лучших среди барахских рыбаков и мореходов, обшаривал кабаки Зингары, Аргоса и Шема, выбирал крепких гребцов, метких лучников, матросов, что карабкались по мачтам быстрее обезьян – и каждый из них, вдобавок, лихо рубился на саблях и топорах, метал копьё и стрелы и, с одним абордажным крюком в руках, мог выпустить кровь трем стигийским латникам!

А теперь, похоже, они все обречены...

Кром! Если бы он мог поразить эти темные грозные воды пучками молний! Если бы мог разогнать тучи, заткнуть глотку ветру, скрутить ему жилистую шею! Если бы он повелевал вулканами на дне морском и, пробудив их, испарил океан потоками огненной лавы!

Но боги отказали людям в таком могуществе, поберегли его для себя... Несомненно, они были правы; человек, даже не повелевая молниями и вулканами, творил столько пакостей и мерзостей, что светлому Митре и доброй Иштар не хватало ночи и дня, чтобы оплакать убиенных и покарать грешников. Впрочем, грешниками занимался Нергал со сворой присных демонов, и было похоже, что они уже готовились наложить на «Тигрицу» свои жуткие лапы.

Ударил ветер, корабль вновь подбросило, крышка люка сорвалась, исчезла в пучине, а вместе с ней – трое моряков.

– Кто? – капитан скрипнул зубами.

– Сtimo... Сtimo, и еще Касс и Ворон... Прах и пепел!

– Жаль Сtimo... Он был сильным парнем.

– А Ворон попадал стрелой в кольцо за пятьдесят шагов... Касс, он...

Волны стадом разъяренных быков ринулись на корму «Тигрицы», тараня ее крутыми лбами; борт треснул под их напором, холодная вода хлынула в трюм. Корабль заскрипел, застонал, словно зверь, получивший смертельную рану. Вновь слышались вопли гребцов – запертые на нижней палубе, они не знали, велик ли причиненный судну урон, но могли предполагать самое худшее.

Капитан пробормотал проклятье: «Тигрицу» завертело на гребне волны, рукоятка рулевого весла вырвалась из его пальцев и ударила Шугу в грудь. Кормчий бессильно обвис в веревочной петле, хрипя:

– Держи... держи ее... иначе... всем конец! Против волны... держи против волны... О, мои ребра! Прах и пепел... якорь в глотку... вонючая кровь Нергала... ослиное дерьмо...

Он принялся ругаться, но его скрюченные пальцы уже легли рядом с широкими ладонями капитана. Вздвогнув, галера свалилась вниз, в водяную пропасть. Снегопад прекратился, но жуткий пронзительный ветер гулял по палубе судна, валил его с боку на бок, натягивал канаты, перетрахиывая вцепившихся в них людей точно бусины живого ожерелья.

– Харат! – крикнул капитан, и сильный голос его перекрыл завывание урагана. – Харат, Кром тебя раздери! Что ты видишь?

– ...иии – еее – гооо! – донеслось с носа. – Ниии – чеее – ооо! Тууу – чиии! Всююю – дууу!

– Конец нам, – буркнул Шуга. Лицо его посерело, на ребрах вздулся огромный синяк, но рукоять весла кормчий держал твердо.

– Заткни пасть! – рявкнул капитан. – Не достанутся наши шкуры Нергалу!

– Это ты так говоришь, – кормчий через силу ухмыльнулся. – Ты силен, но Нергал сильнее... Отымет душу! Заявишься к нему призраком, и сапоги твои призрак, и кинжал... пинай и коли его, сколько влезет... он и не почешется, гадюка... только сунет в самое гнусное место в своей помойной яме...

– Боишься смерти, Шуга?

– А ты?

Капитан свирепо ощерился.

– Никто не живет вечно! Но за свою шкуру я спрошу хорошую цену!

– Спросить-то можно, вот только дадут ли ее... – Шуга вдруг закашлялся, захрипел и сплюнул на палубу кровью. – Здорово меня приложило, – пробормотал он. – Ребра сломаны... Ну, ничего, в нергаловой утробе станут как новенькие... – Кормчий с усилием вскинул голову, осмотрел страшное гневное море и небеса, где меж громадами темных облаков сверкали молнии, потом невесело скривился. – Не простая это буря, – донеслось до капитана, – не простая, клянусь своими ребрами! Теми, что еще уцелели!

– Не простая? Кром, что ты болтаешь!

– Кто-то наслал ее на нас... Или на кого другого, а мы просто попались на пути. Не бывает таких жутких штормов в середине весны! Не бывает! И еще: глянь, как бегут тучи... Словно их гонит кто-то... Бегут, вытягиваются копьём... а мы – на самом острие... мы или кто другой...

«Тигрица» в очередной раз рухнула в пропасть. Весла судорожно забили по воде, помогая судну вскарабкаться на зыбкую сине-зеленую гору, но надвигавшиеся сзади валы догнали корабль, нависли над палубой, прокатились по ней, смывая за борт моряков. Никто из них не успел даже вскрикнуть.

Сколько их осталось? – подумал капитан. У весел – шестьдесят, да еще один, отбивавший в гонг ритм гребли... А наверху – Харат, оседлавший деревянную тигрицу, четверо у передней мачты, двое – у задней... У люка – никого... Значит, считая с рулевыми, уцелело девять человек, а полтора десятка уже покоились в соленой мокрой постели. Если не больше; волны, проломив борта, могли смыть людей и с гребной палубы.

Шуга вдруг встрепенулся, завертел головой, забормотал:

– Прах и пепел! Волны... иначе шумят... слышь, капитан? Иначе, говорю... ревут, не рокочут... словно бьются обо что-то...

– Скалы? Суша?

– Может, и суша... – не выпуская весла, кормчий вытянул шею, пытаясь разглядеть в полумраке берег.

– Хорошо, если суша, – сказал капитан. – Только откуда ей здесь взяться?

– От богов или от демонов... скоро узнаем, от кого... Если там песок, мы спасены, а если скалы, всем конец! Шмякнет нас, одни доски останутся в кровавом дерьме...

Капитан злобно выругался.

– А не мерещится тебе, Шуга? Отбил ребра, а вместе с ними и слух с разумением, а? Но тут с носа, где торчал парусный мастер Харат, долетело:

– ...Ооо – ооов! Ооо – ооов! Беее – реее... Беее – реее...

– Чего он орет? – рявкнул капитан. – Берег или берегись? Что у него – соль плотку проела?

Корабль взлетел на огромной волне, и теперь оба цеплявшихся за рулевое весло человека увидели впереди облачную темную массу, над которой плясал гигантский смерч. Он то стремительно вытягивался к небесам, касаясь туч широкой разлапистой воронкой, то оседал вниз, плющился и кружился у самой земли, будто хотел вобрать в себя камни, песок и воду, перетряхнуть эту смесь и выплюнуть ее прямо в сердцевину облаков. Ненасытная пасть его казалась черной, ведущей прямоком в утробу воздушного демона, и на фоне этой черноты белыми клыками торчали у берега утесы. На мгновение смерч представился капитану огромным змеем, чей хвост взбалтывал тучи, изогнувшееся тело касалось земли, а голова с зубастыми челюстями лежала на самом берегу, словно поджидая «Тигрицу» со всем ее экипажем.

Вероятно, и у кормчего мелькнула такая же мысль; освободив левую руку и кривясь от боли в разбитых ребрах, он принялся чертить в воздухе знаки, охраняющие от беды. Губы его посинели.

– Сет! Проклятый Сет, грязная гадюка! Явился за нашими головами!

– Держи руль, Шуга! – прорычал капитан. – И говори, куда править! Ты кормчий, не я!

– Там Сет!

– Мешок дерьма, а не Сет! Протри глаза, смрадный пес! Там вихрь, а у берега – рифы! Куда нам править?

Шуга выплюнул сгусток крови.

– Держи левее... Вроде бы есть проход, только узкий... Если течение пронесет...

– Беее – реее – гиии – сссь! Скааа – лыыы! – долетело с носа, и теперь ни кормчий, ни капитан уже не сомневались в том, что кричит Харат. Передняя часть галеры вдруг задралась кверху, корабль дрогнул от страшного удара, и переломанный форштевень, вместе с носовым украшением и цеплявшейся за него фигурой парусного мастера, взлетел вверх. Затем послышался треск весел, скрежет камней, пронизавших обшивку, вопли гребцов, заглушенные диким воем урагана. Рулевая рукоять метнулась словно шея непокорного жеребца, отшвырнула кормчего вправо – только растопыренные руки и ноги промелькнули над бортом; затем капитан ощутил, что взмывает в воздух, и тут же ледяная вода обожгла кожу.

Но холод вдруг сменился теплом, тишиной и покоем. Не было больше грохота и криков, ветер не бросал в лицо соленую влагу, не терзало дерево растертые в кровь ладони, исчезло видение жуткого смерча, плясавшего на берегу... Он погружался вниз, вниз, вниз, в царство забвения и мрака, в бездну, откуда начиналась тропа на Серые Равнины, обещавшая неспешное последнее странствие и вечный отдых. Сапоги и намокшая куртка тянули на дно, в ушах раздавался слабый звон, рукоять кинжала давила на ребра.

Кинжал! Стигийский клинок, который он собирался всадить в брюхо Нергалу! Ну, если он станет дохлой рыбой, бессильной тенью, изъеденным крабами трупом, темному богу нечего опасаться его ножа...

Тело его само рванулось вверх, преодолевая упругое сопротивление воды. Мимо опускались в глубину трупы гребцов – с разбитыми головами, с переломанными членами, с ошметками плоти, содранной с костей. Он узнавал их: кого – в лицо, кого – по приметному браслету, шраму, поясу или серьге... Людей швырнуло на риф, размолотило о камень; весьма возможно, что и ему предстояло разделить их судьбу.

Вынырнув и очутившись в провале меж огромными волнами, он сделал только один глубокий вздох, бросил только один взгляд на свой корабль и снова погрузился в воду. «Тиг-

рица», с пробитым бортом и начисто снесенным носом, попала в белые зубья прибрежных скал; валы безжалостно трепали ее, довершая разрушение. Живых он не разглядел, ни в воде, ни на судне – но что увидишь за краткий миг? Барахтанцы – пираты, люди моря, крепкие парни; быть может, кто и выплывет... К примеру, Шуга, старый пес...

Шуга пытался править левее, к проходу... к узкому проходу, сквозь который морские воды вливаются в бухту... К проходу меж рифов, до которого не добралась «Тигрица»... Там – течение!

Внезапно он почувствовал его напор и заработал руками и ногами изо всех сил, то поднимаясь к поверхности за глотком воздуха, то вновь ныряя в спасительную тишину глубин. Потом его крутануло в водовороте, ударило о шершавый камень, протащило вперед; под коленями скрипнула галька, ветер ударил в лицо, сырой воздух наполнил легкие, и он понял, что находится на берегу.

Вскочив, он сделал три или четыре шага к темневшим невдалеке утесам, обернулся, оглядел свой погибающий корабль и каменистую прибрежную отмель, потом поднял сжатый кулак и, выкрикивая проклятья, погрозил тучам.

Ни одного человека в воде... ни одного тела на берегу... Все погибли... Все!

Глава 2

Остров и грот

*Пятеро обитали в мире, и сущности их были таковы:
Изменчивость, Жажда Могущества, Иллюзия, Отвага и Равнодушие.
Воистину не видел свет столь различных созданий!*

Игра с тучами, волнами и ветром позабавила Его. Конечно, эти стихии являлись лишь жалким подобием материальных субстанций и трансцендентных сил, присущих Предвечному Миру. Там, в холодной бездне, бушевали приливы и отливы таинственных эманации; там рождались и умирали зоны времени; там потрясали эфир столкновения звезд. Там, одним движением мысли, можно было испепелить или создать огромный каменный шар, окутать его воздухом, водами и облаками, взрастить остроконечные пики горных хребтов, а затем разжечь под ними пламя и выпустить его на свободу – чтобы полюбоваться яростным борением земной тверди и внутреннего огня. Там...

Впрочем, Он пребывал тут, а не там, и Ему приходилось ограничивать свою склонность к преобразованиям и метаморфозам. Будучи Духом Изменчивости, Он не собирался отказываться от своих игр с живыми и неживыми субстанциями – тем более, когда Избранник просил об этом. Он не отказывал ему в помощи, лишь изредка удивляясь, сколь мелочны и ничтожны его просьбы: расправиться с непокорным слугой, превратив мятежника в волка или полярного медведя, засыпать снегами усадьбу какого-нибудь жалкого ванахеймского князька, проявившего непочтительность... Или, как сейчас, погнать на юг тучи и воды, занести ледяной молот над далеким островом, ударить, сокрушить... И все – ради женщины!

Пусть необычной, пусть одаренной крохами божественной мощи – но все-таки женщины!

Надо надеяться, что теперь Избранник получит ее и успокоит тем свою душу. Иначе... Иначе еще две-три такие же демонстрации могущества, и она покорится. Женщины всегда покоряются сильным!

Но порой ничтожность цели раздражала Его. Избранник явно изменял высокому призванию, позволяя женским чарам возобладать над сердцем своим, склоняясь душой к плотским наслаждениям. А ведь этот прах земной был одним из лучших! Одним из самых умных, твердых, холодных и жестоких! Он был магом!

Среди мириад людей всех минувших поколений Он предпочитал именно таких. Магов не пугали чудеса; чудеса являлись их ремеслом. И внезапно возросшая мощь не вызывала у них удивления: ведь каждый из них жаждал могущества и молил о нем богов или демонов, готовый отдать за него свою бессмертную душу. Что же поражаться, если желанная сила вдруг пробуждалась в них, сокрушала соперников и врагов, покоряла стихии, уничтожала армии и города? Маги были любопытны и изобретательны; их фантазии казались Ему гораздо хитроумней того, что приходило в головы земным властителям, воинам и полководцам.

Но временами Он все же воплощался и в них, превращая вождей варварских племен в великих завоевателей и владык, разбойников с большой дороги – в венценосных королей, творя из безродных наемников повелителей царств и империй. Эта игра тоже развлекала Его – не меньше, чем иные представления, где актерами служили ветры и воды, тучи и снег, подземный огонь, реки раскаленной лавы и облака пепла. Главное, чтобы Избранник мыслил о величественном и грозном: о кровавой войне, о захвате неведомых земель или о разрушении собственного царства в пламени пожаров, реве вулканов и грохоте взбунтовавшихся вод.

Тот, кто хотел лишь покоя, сладкой еды, хмельного питья и женских ласк, становился Ему неинтересен.

* * *

Ураган отбушевал.

Буря кончилась неожиданно, как будто враз иссякли силы ветров и туч, морских валов и вьюжной метели. Черный смерч исчез, в воздухе потеплело, облака разошлись, и жаркие солнечные лучи согрели капитана «Тигрицы». Он разделся: стащил сапоги, снял штаны, кожаную куртку и холщовую рубашу, оставшись в одной набедренной повязке. Ремень с кинжалом затянул на поясе – этот стигийский клинок длиной в три ладони был сейчас его единственным оружием. Впрочем, он полагал, что опасаться нечего – вряд ли на острове выжила хоть одна живая душа или крупный зверь. Быть может, спаслись мыши, забившиеся в норки... Да и те, скорее всего, были раздавлены камнями.

Нагой, он побрел вдоль берега, поглядывая на солнце. Глаз Митры бесстрастно сиял в небесах, взирая на хаос и разрушение, царившие вокруг. Миновал полдень, но до вечера было еще далеко; значит, шторм, сгубивший «Тигрицу», бушевал полтора дня – капитану помнилось, что первые порывы ветра налетели позавчера, перед закатом. Полтора дня! Срок между жизнью и смертью... Тогда корабль его был цел, и экипаж – жив; все восемьдесят с лишним молодцов с Барахского архипелага, матросы, гребцы, лучники, мастера абордажа, паруса и секиры... Теперь они лежали на дне, у берегов этого проклятого островка, а остов разбитого судна торчал на белых клыках рифов, напоминая китовый скелет, обглоданный акулами... Похоже, не спасся никто, подумалось капитану. Его барахтанцы были крепкими парнями, но ни один не мог сравниться выносливостью и силой с ним, с вожакom пиратской вольницы. Ни Харат, парусный мастер, ни силач Сtimo, который мог в одиночку вытянуть тяжелый якорь со дна морского, ни стрелок Ворон, попадавший в кольцо за пятьдесят шагов... Ни кривоногий шкипер Шуга – тот, с переломанными ребрами, камнем, пошел на дно... Прах и пепел! Отличное судно, отличный экипаж! И – ничего... Только измочаленный остов на белых зубьях скал, торчавших у входа в бухту...

Но он ошибался: у самой кромки прибоя лежало нечто темное, какая-то масса неопределенных очертаний. Подойдя ближе, он увидел расщепленную, битую на камнях деревянную фигуру тигрицы и привязанное к ней тело Харата. Звериная пасть была по-прежнему грозно разинута, но в ней уже не сверкали клыки из зуба акулы, и на месте выточенных из янтаря глаз зияли две темные впадины. На то, что осталось от Харата, парусного мастера, лучше было не смотреть. Кровавое месиво, пожива Нергала...

Вытащив кинжал, он перерезал веревку, поднял труп на руки и вошел в воду – туда, где поглубже. Потом опустил тело на дно и смыл кровь Харата с плеч и груди. Барахтанцы были лихими мореходами, детьми океана, и лучшая могила для любого из них – морские воды. Там, в тишине и покое, и будут они лежать, все восемьдесят с лишним... будут ждать, когда капитан присоединится к ним на Серых Равнинах... будут глядеть, отпустит ли он обещанный пинок Нергалу...

Угрюмо усмехнувшись недавнему своему бахвальству, он вернулся к наполовину просохшей одежде, связал ее в узел и направился в глубь острова. Тут, на берегу, было нечего делать – разве что отдать последний долг погибшим, перечислив их имена и совершив возлияние крепким барахтанским вином. Но вина под руками не имелось, и он подумал, что товарищи простят его.

Он шел среди обломков разбросанного камня и поваленных древесных стволов, внимательно оглядываясь по сторонам и мурлыча песню – заунывный мотив, который тянули

его гребцы, наваливаясь на весла. Голос у него был сильный, и хотя в глотке пересохло, звуки разносились далеко окрест, тревожа мертвую тишину.

Не тугие муссоны
И не буйный пассат —
Позабытые песни
За кормою шумят.
Позабытые песни,
Догоревший костер,
Пепел брошен на ветер,
Брошен в синий простор...

«Прах и пепел, — подумал он, — хоть бы Шуга, старый пес, остался в живых! Было бы с кем перемолвиться словом...»

Но Шуга, скорее всего, уже шагал вниз по узкой тропинке, спускаясь на Серые Равнины и мысленно подсчитывая свои грехи. Он сам сделался прахом и пеплом.

Пепел, пепел, откликнись,
Расскажи, расскажи,
Где дорога обратно,
В океане лежит...

Но пепел молчал. И молчали раздробленные в щебень камни, и мертвые изуродованные деревья, и кусты, выдранные с корнем, и вспаханная, иссеченная земля, где увядшие травы и цветы мешались с кровью и плотью мертвых животных. Судя по изобилию всей этой погибшей растительности, раздавленным плодам и звериным останкам, островок еще недавно цвел пышным садом, какого не было ни у владык Турана, ни у привыкших к утонченной роскоши повелителей Офира, Шема и Аргоса. Видать, Митра благословил эту таинственную землю в океане, одарив ее светом и теплом! Митра благословил, а темные боги позавидовали и наслали небывалый ураган, ибо отродьям тьмы всякая красота — что бельмо в глазу...

Он огляделся. Взгляд его скользил по взметенному серому песку, по рухнувшим пальмам — они напоминали сейчас огромные растрепанные метлы, по темным стволам дубов и буков с переломанными ветвями, по раздавленным в слизь нежным цветам магнолий, до сих пор испускавшим сладкий и тревожный аромат, по раздробленным камням и валунам, смешавшимся с древесной плотью, по зарослям бамбука, похожим теперь на щетину, плод стараний неумелого брадобрея... И все-таки остров был прекрасен! Пусть он хранил лишь остатки былой прелести, но внимательные взоры находили их тут и там, словно следы былого изящества черт и благородной красоты на лице покойного.

«Кром! — подумал капитан. — Эта несчастная земля достойна погребального гимна!»

Он зашагал дальше, оглашая окрестности новой песней, не то стараясь подбодрить себя, не то желая вселить надежду в истерзанный мир, который видели его глаза.

Рубите мачты, ребята,
И снасти рубите тоже!
Атоллы на горизонте
Сияют коралловой кожей!
Якорь швырните за борт,
И парус порвите в клочья,

Атоллы судьбы нам светят
Тропической темной ночью.
Мы вплавь до них доберемся;
Там ветер и синие волны
Качают прекрасный остров,
Таинственный и покорный...

Тут он смолк, размышляя над тем, что никто не добрался вплавь до этого таинственного берега – только он сам да Харат, прибывший сюда не в лучшем виде.

Проклятье Нергалу! Проклятье смрадным морским демонам! Его команда, его прекрасное судно! Его стремительная «Тигрица», память о смуглокожей Белит!

Он чувствовал себя так, словно Кром вырвал у него печень. Именно печень, а не сердце; киммерийцы, его народ, считали печень средоточием жизненных сил.

Миновав полосу поваленного леса, он очутился на поляне, где был приготовлен и стол, и дом, и ужин, и питье. Среди разворошенной травы струился ручеек с мутной водой; рядом валялся рухнувший сикомор, чьи ветви еще сохранили остатки листвы и могли послужить укрытием; под ним лежал олень. Падающее дерево переломило зверю хребет, и теперь с одной стороны ствола торчали круп и задние ноги, а с другой – вытянутая в предсмертной агонии шея и голова с ветвистыми рогами; раскрытые мертвые глаза взирали на мир с жалобным удивлением.

Печальное зрелище! Сразу три покойника: зверь, дерево да испоганенный ручей! Но капитан «Тигрицы» смотрел на это иными глазами: мясо, укрытие и пресная вода. Заметив это место, он напился, но есть не стал. Хотя сырая оленина не внушала ему отвращения, он мог еще потерпеть. Быть может, удастся найти кремьень... или дерево, подоженное молнией... Дохлый олень не денется никуда – никуда, кроме его желудка.

За поляной вновь начинался бурелом, и тут капитан приостановился, впервые отметив нечто странное: среди поваленных деревьев были и тропические породы, какие доводилось ему лицезреть в далеком Пунте, в Зембабве и Стигии, и золотистые сосны, что росли в Киммерии, и угрюмые асгардские ели, и особый вид акации, произрастающей только в Кхитае. Вспомнив про пальмы, дубы и вывороченный с корнем сикомор, он задумчиво покачал головой. Казалось, чья-то воля собрала на этом островке растения со всех концов земного круга; быть может, то было случайностью, быть может, совсем наоборот. Но ни один человек не мог бы справиться с такой гигантской работой – свезти сюда деревья со всех стран, со всего Туранского материка!

Простой человек не справился бы, – мысленно отметил он, пробираясь через завал, – но кто говорит о простом человеке? В мире немало людей, одаренных таинственными и страшными силами, а кроме них есть еще и демоны, духи, призраки, боги... Быть может, этот остров являлся обителью какого-то божества или мага? Но это казалось странным; ни колдун, ни тем более бог не позволили бы свершиться такому чудовищному опустошению. Тут он припомнил слова покойного Шуги – о том, что буря наслана – и вновь призадумался. Не попала ли несчастная «Тигрица» меж молотом и наковальней, в схватку неких могущественных стихий?

За буреломом нашлось почти нетронутое место: три скалы, прикрывавшие небольшой овальный пруд и клочок зелени на его берегу. Одна скала, торчавшая поодаль, напоминала серую округлую слоновью спину; в ней было пробито отверстие, из которого в пруд низвергалась струйка чистой воды. Две другие, соприкасавшиеся боками, походили на розовые гранитные клыки. Они были вдвое выше, чем утес-слон, с обрывистыми склонами и остроконечными вершинами; у их подножий, в траве, почти не тронутой ураганом, стояла беседка. Шесть невысоких пальм с густыми кронами, служившими крышей, шесть опор,

перевитых лианами... Это могло оказаться игрой природы либо творением неведомого и искусного садовника.

Поразмыслив, капитан остановился на последнем варианте: водосток в серой слоноподобной скале имел явно искусственное происхождение. Значит, на острове были люди – и, судя по всему, не простые. Чего же они прячутся, эти чародеи?

Он опустился в густую траву рядом с беседкой, одолеваемый усталостью. Ночь и день, и снова ночь, и целое утро его могучее тело и сильные мышцы противились сну, его руки сжимали рулевое весло, его голос гремел над палубой «Тигрицы», ободряя экипаж, его глаза озирали мрачную громаду туч... Теперь он чувствовал, что силы его на исходе. Вернуться к мертвому оленю и съесть кусок мяса? Или поспать здесь, в беседке у пруда, под защитой розовых скал-клыков?

Он еще решал эту проблему, когда на берегу водоема, в десяти шагах от него, возникла фигура девушки. Вероятно, он задремал на миг, ибо не видел, как и откуда она появилась; быть может, выскользнула из-за груд поваленных деревьев, или обогнула серую скалу, или вынырнула из пруда, волшебным образом не замочив своих легких одеяний. Как бы то ни было, она была здесь, и сон отступил, побежденный любопытством.

Некоторое время они в молчании взирали друг на друга. Девушка была высокой и гибкой, с фигурой Изида, с формами соблазнительными и, в то же время, девственно-строгими. Лицо ее поражало: огромные нечеловеческие глаза, изумрудные зрачки с вертикальным кошачьим разрезом, пунцовые губы, нежный атлас щек и водопад рыжих кудрей, в беспорядке струившихся по плечам. Плечи же, как и стройные ноги выше колен, были обнажены, да и прочие части тела просматривались вполне ясно: воздушный хитончик не скрывал ничего. Ни маленьких упругих грудей, ни перламутровой раковины живота, ни округлых и в меру полных бедер, ни лона, покрытого золотистыми волосками. Озаренная солнцем, она была прекрасна, как дикая орхидея из заповедных рощ богини любви!

Капитан сглотнул слюну.

– Кром! Или я сплю, или духи острова решили подшутить надо мной... Откуда ты взялась, красotka? Как твое имя?

Пунцовые губы шевельнулись:

– Гость первым называет себя.

Голос ее был тихим и мелодичным, но слова звучали отчетливо, словно удары корабельного гонга. Капитан усмехнулся и протянул руку на восток – туда, где за океанскими волнами лежали просторы Туранского материка.

– Там меня называют Конаном, – произнес он. – Иногда – Конаном-Варваром или Конаном из Киммерии, иногда – Амрой, что значит Лев, иногда другими именами. Я – странник, искатель славы и богатств.

– Здесь ты найдешь и то, и другое, – по-прежнему негромко ответила девушка. Потом, склонив прекрасную шею, добавила: – Я – Дайома. Дайома, которая служит Владычице этого края.

* * *

Конан поскреб небритую щеку.

– Владычица? Выходит, у острова есть хозяйка?

– Да, как у всякой древней земли. А эта земля очень древняя, Конан. Осколок Атлантиды, память о допотопных временах... Но вряд ли ты об этом слышал.

– Слышал. И не только слышал, – на губах киммерийца промелькнула задумчивая усмешка. На мгновение ему показалось, что над ухом вновь раздался клекочущий хриплый

голос призрака, Небесной Секиры, творения божественного Кователя из Атлантиды. Потом голос смолк, и взгляд Конана вновь обратился к девушке.

– Говоришь, Владычица? И сколь она сильна?

– У нее хватает силы, чтобы властвовать над всеми этими землями, – Дайома плавно повела рукой, обозначив и недалекое побережье, и пруд между скал, и рухнувший лес, усеянный обломками камня.

– Немного же осталось от ее земель, – пробормотал киммериец. – Знавал я кутруба по имени Шапшум и всяких других тварей – вроде демона Аль-Киира или Морат-Аминэ... Так вот, все эти ублюдки, собравшись вместе, не смогли бы натворить такого разора, как утренний ураган. Видно, твоя Владычица не очень-то сильна, если допустила такое!

Девушка встряхнула головой и улыбнулась; блеснули жемчужные зубки, рыжие локоны заплясали по плечам.

– Не будем говорить о ней. Здесь только ты и я – чего же больше?

– Это верно, – протянул Конан, внезапно обнаружив, что рыжеволосая красавица приблизилась к нему на три шага. От нее пахло ароматом цветущих магнолий – горьковато-сладким, томительным, опьяняющим. – Здесь только я и ты, Конан и Дайома... Ну, и чего же тебе надо?

– Гость, опять же, должен первым высказать свои желания... – Ее улыбка сделалась лукавой. – Ну, и чего же тебе надо?

– Вина и еды. Еще – поспать.

Дайома приблизилась еще на три шага. Теперь киммериец видел, как напряглись ее соски под полупрозрачной тканью хитона.

– Ты уверен? Может быть, есть что-то другое, чего ты жаждешь больше вина и еды? Не говоря уж о сне?

– Может быть.

Он поднялся, расстегнул пояс с кинжалом и швырнул его в траву. Не отказываясь от того, что дают боги, промелькнула мысль. Сегодня они послали эту девушку, прислужницу местной Владычицы; послали ее прежде пищи и вина. Так тому и быть! Он возьмет этот дар, а потом и все остальное, что ему предложат... Кажется, речь шла о славе и богатстве? Неплохо, совсем неплохо! Слава, богатство, красивые девушки, мясо и вино... Что еще нужно человеку?

Только вино должно быть обязательно барахтанским, подумал он, протягивая руки к улыбавшейся Дайоме.

* * *

Первый голод был утолен, но только первый голод; впереди уже виделась бесконечная череда пиров, роскошных празднеств плоти, расточительных торжеств и любовных экстазов. Ее избранник был могуч и неистощим; трижды он заставил ее стонать от восторга и извиваться в траве, кусая губы. А ведь он устал! Очень устал! Ночь и день, и снова – ночь и день... Двое суток на качающейся палубе корабля, влекомого бурей; ни поспать, ни перекусить... И все же он оказался таким, как она предполагала: могучим и неистощимым.

Владычица подняла руки, и служанки осторожно и нежно извлекли ее из нефритовой ванны, из хлопьев ароматной пены, взметнувшихся над зеленым полупрозрачным камнем грудой невесомых белых облаков. Мягкая льняная ткань коснулась ее кожи; вытирая госпожу, служанки трудились с благоговением, словно имели дело с хрупкой статуэткой кхитайского фарфора. Все они были красивы, хотя и не так, как восставшая из ванны Владычица; одна острым лукавым личиком походила на лису, другая, белокожая и кроткая, на голубку, третья, черноглазая, с яркими губами – на обезьянку, четвертая – на шустрю проворную

белочку. Собственно говоря, они и были лисой, голубкой, обезьяной и белкой, превращенными в девушек магическим искусством Владычицы – как и остальные ее слуги и стражи, произошедшие от зверей. И в каждом оставалось нечто характерное, нечто едва заметное, но осязаемое, напоминавшее о прежнем существовании.

Льняная ткань сменилась губкой, пропитанной ароматическим бальзамом; она ласкала кожу, придавая ей блеск и неподражаемый аромат. Владычица, не замечая искусного массажа, думала о своем.

Тысяча путей ведет к сердцу мужчины; какой же избрать? Тот, с кустистыми бровями, надменный властолюбец с севера, был пленен ее телом и колдовской властью; он жаждал овладеть и тем, и другим. Но пришелец из волн морских не походил на стигийского колдуна. Конечно, он наслаждался ее прекрасной плотью, но достаточно ли этого, чтобы его удержать? Возможно, ему захочется разнообразия? Что ж, она могла надеть личину смуглой черноволосой стигийки, шемитки с полными грудями и золотистой кожей, белокурой голубоглазой аквилонки, огненной заморанки, нежной и страстной вендийки... Она, Владычица иллюзий и снов, некогда пленившая самого Ормазда, могла предстать любой из тысяч красивейших женщин мира – неповторимая, соблазнительная, опытная в искусстве любви. Будет ли он доволен? Прислужница-Лисичка набросила на нее тунику из желтого кхитайского шелка, невесомую, как туман над водой, расшитую золотыми хризантемами – желтое и золотое шло к ее глазам и волосам. Голубка и Белочка уже занимались прической, соорудив из пышных рыжих прядей корону о семи листьях-зубцах, вплетая в волосы изумрудные нити, скалывая их жемчужными заколками и филигранными гребнями из орихалка. Владычица повела взглядом в сторону Обезьянки, застывшей в ожидании приказаний.

– Зеркало!

Зеркало было тотчас поднесено: блистающий серебряный овал в оправе слоновой кости. Полюбовавшись несколько мгновений своим прелестным лицом, Владычица молвила:

– Не это! Подай магическое зеркало, моя милая.

Обезьянка метнулась к туалетным столикам – вычурным, с изящно изогнутыми ножками и расписными фарфоровыми медальонами, подхватила магический кристалл, поднесла госпоже. Чуть скосив глаза, Владычица заглянула в хрустальную глубину и улыбнулась: ее возлюбленный спал. Спал прямо на траве, в пальмовой беседке – там, где она покинула его. Он был совсем нагим, и мощные мышцы бугрились на его плечах и груди, а руки – сильные руки, чьи объятия она успела изведать – были раскинуты в стороны. Одна покоилась на рукояти кинжала, украшенного самоцветами, другая мертвой хваткой сжимала пучок травы. Лицо спящего было мрачным, и Владычица, сосредоточившись на миг, узрела, что видятся ему гибнущий корабль и трупы моряков, идущие ко дну. Почти не приложив усилий, она насладила другие сны: свой облик, свою нежную грудь с алыми ягодами сосков у его рта, свои руки, ласкавшие его крепкую шею. Черты возлюбленного разгладились; теперь на губах его заиграла мечтательная улыбка.

Пусть спит, пусть! Пусть видит сны и мечтает о ней!

Лисичка, склонившись к ее ногам, шнуровала сандалии из золотистой, в цвет тунике, кожи. У них был высокий каблук, что придает женским ногам соблазнительное изящество и стройность, розы из мелких изумрудов, обрамлявшие носки, и длинные шелковые ленты, коими надлежало многократно обвить лодыжку и голень, завязав изящным узлом под коленом. Лисичка была мастерица вывязывать хитрые узелки – вероятно, такое умение сохранилось у нее с прошлых времен, когда она ловко путала следы в дубовых аквилонских лесах. Но теперь ее задачи были сложнее, намного сложнее!

Потрепав ее по медовым волосам, Владычица снова заглянула в зеркало. Ее киммериец уже пробудился и теперь сидел, протирая кулаками глаза. С каждым движением мускулы,

будто гладкие змеи, переползали от плеча к локтю, темные встрепанные волосы свешивались на лоб, четко очерченные губы кривились в зевоте.

«Милый! – подумала она, ощущая вкус его поцелуев. – Милый, ты не должен торопиться. Я еще не готова!»

Но он уже встал и принялся натягивать свою отвратительную одежду – рубаху из парусины, которой можно было бы ободрать полировку с мебели, штаны, вонючую куртку бычьей кожи и сапоги, годившиеся разве что для заточки ножей – столь шероховатыми и грубыми были их голенища. Потом он перетянул талию ремнем и сунул за него кинжал с двумя крупными рубинами на рукояти и россыпью фиолетовых аметистов – единственную вещь, которая не оскорбляла взора Владычицы своим безобразием.

«Еще немного, – промелькнуло у нее в голове, – еще немного, и ты оденешь бархат и шелка, милый! Да, бархат и шелка, и тонкие кружева, и драгоценности, каких не видел ни один король, ни один принц твоих варварских земель!»

Ее прическа уже была завершена: корону из рыжих локонов венчала маленькая брильянтовая диадема, на чистый высокий лоб спускалась цепочка с лунным камнем, ее символом, знаком ее власти над снами и иллюзиями, подаренным самой Иштар. Невольно она взмолилась к ней, испрашивая покровительства в любви и в то же время размышляя о своем киммерийце. Как все-таки удержать его? Великолепием и красотой? Богатством и негой? Изысканными любовными ласками?

Она предчувствовала, что даже готова применить силу... Не только силу над миром сновидений, дарованную ей богами, но и обыкновенную грубую силу, дремавшую сейчас в самой дальней камере ее огромного дворца. И, будто ощутив это ее намерение, Серый Камень дрогнул на железном постаменте, и в сердцевине его, твердой и крепкой, промелькнула искра. Впрочем, она тут же исчезла, и камень вновь стал камнем – бесформенным, шероховатым и грубым, размером в шесть с половиной локтей и цветом, напоминавшим серое ненастное небо. Безжизненный обломок по-прежнему стыл в своем подземелье, холодный и мертвый, угрюмый, как породившая его скала; лежал и ждал своего часа. И час этот приближался.

Но еще не наступил! Не наступил, ибо Владычица не явилась пока избраннику своему во всем блеске прелести и красоты, во всем могуществе и силе, во всем богатстве и власти. Быть может, он соблазнится чем-нибудь? Не властью, так красотой, не силой, так богатством...

Голубка набросила ей на плечи великолепную мантию, расшитую изображениями лунного серпа, из тонкой ткани дзонна, которую не умели ткать ни в древней Стигии, ни в изысканном Офире, ни в далеком Кхитае. И немудрено – в ткань эту, вместе с нитями паутины, вплетали серебряные лучи луны.

Лисичка и Белочка сустились вокруг Владычицы, надевая на пальцы ее драгоценные перстни, на шею – изумрудное ожерелье, на запястья – браслеты из бледносияющего орихалка. Обезьянка, как было велено, держала зеркало; и там, в прозрачной глубине кристалла, маячила темная мужская фигура, бредущая к побережью. Он шел туда, куда она сказала: к бухте, простиравшейся за белыми клыками рифов, к утесам, что высились справа от воды, и к гроту, зиявшему в скалистой стене. К ее гроту.

В уши Владычицы вдели серьги – изумруды в оправе из брильянтов, две крохотные звездочки, сиявшие зеленым и белым. Теперь она была готова! Распахнулись тяжелые створки дверей ее личного чертога, вспыхнули огни в тысяче светильников, выстроились слуги и стражи, блестя одеждами и доспехами, полилась негромкая мелодия флейт. И под их нежные звуки Владычица направилась к мраморным ступеням, ведущим наверх, к просторному гроту на морском берегу.

* * *

– Рубите мачты, ребята, и снасти рубите тоже! – бурчал Конан, пробираясь по песку, заваленному камнями, увядшими листьями пальм, водорослями и обломками раковин. Он старался не глядеть в ту сторону, где на рифе застыли жалкие останки «Тигрицы»; это зрелище не прибавляло ему хорошего настроения. Солнце шло на закат, и от скал и истерзанной пальмовой рощи уже протянулись длинные тени. Пора было позаботиться и о ночлеге! А также – о пище и вине.

Как там сказала зеленоглазая девчонка? Встань лицом к воде, и справа будут скалы, а в них – пещера... Да, пещера, где живет Владычица... Видать, дома поприличней у нее нет, коль ютится в дыре под скалами... Или усадьба ее разрушена бурей? Кром, даже крепостные стены и башни не устояли бы в такой ураган! Ладно, прах и пепел с этими стенами и башнями; сохранился бы погреб! В погребах держат припасы: нежную копченую свинину, говяжьи ребра и ляжки, бараньи туши, колбасы и овечий сыр, муку и мед, орехи, сушеные фрукты и вино... Особенно вино, размышлял Конан, надеясь, что у Владычицы острова хватило ума попрятать все съедобное, что нашлось в доме – в погреб или в пещеру, все равно. Он сильно проголодался, ибо любовные утехы всегда разжигают аппетит, но ужинать сырой олениной ему не хотелось. Да и зачем? Ведь рыжая – перед тем, как исчезнуть, – сказала, что Владычица ждет гостя в своем гроте и готовит целый пир. Конан же был не из тех людей, что являются на пиры сытыми.

Однако, шагая вдоль скалистой стены, он размышлял не об одном лишь мясе, хлебе и крепких напитках; его томило любопытство и желание узнать, сколько у местной Владычицы таких пригожих служаночек, как та рыжая.

Побыла она с ним недолго, но вроде бы осталась довольной, а потом исчезла, шепнув насчет грота и намечавшегося торжества. Видать, госпожа ее была женщиной гостеприимной и к странникам относилась с доверием – иначе с чего бы ей посылать красивую служанку в утешение мореходу, выброшенному на остров ветрами и волнами?

Грот Конану удалось найти без труда. Небольшая округлая бухта, при входе в которую потерпела крушение «Тигрица», открывалась на запад, и последние солнечные лучи высветили обширный проем в скальной стене. Теперь он понимал, почему рыжая сказала «грот», а не «пещера». В пещеры ведут узкие ходы, тоннели либо незаметные расселины в горах; в пещерах темно, точно в брюхе Нергала, мрачно, сыро и холодно; в пещерах чувствуешь, как давит сверху громада камня и земли. Иное дело грот, открытый солнцу и ветрам, светлый, с широченным входом, с полом, усыпанным мягким песком. Обнаружив его, Конан сразу же заметил, что внутри, напротив входного проема, что-то мерцает и посверкивает – да так, что больно глазам.

Это оказались врата, огромные врата, отлитые из бронзы и украшенные изображениями луны и звезд. Насчет их материала у киммерийца зародились некие сомнения; он никак не мог решить, бронза то была или нет. Но кто же станет покрывать створки ворот пластинами чистого золота? Это было бы слишком расточительно – или явилось бы свидетельством такого безмерного богатства, какого он и представить не мог.

Замерев посреди грота – обширной ниши в скале, достигавшей пяти человеческих ростов – он с изумлением рассматривал отделанную бледно-желтым металлом арку и чеканные узоры на огромных дверях. Поверхность их словно бы плыла перед глазами: то казалось, что она отливает рыжиной подобно золоту, то отблескивает красноватым оттенком бронзы, то исчезает вообще, обратившись в грубую первозданную скалу. Такими же зыбкими, текучими, были и магические символы, изображенные на створках: знаки луны вращались мед-

ленно, неторопливо, тогда как звезды кружились в стремительном хороводе, иногда собираясь в привычные созвездия, иногда вытягиваясь в большие спирали или вовсе исчезая.

Конан глядел на это чудо, и в практичном его уме начинали возникать новые мысли. Пожалуй, не приходилось тревожиться за погреб и запасы Владычицы: тот, кто сумел сотворить эти магические двери, мог побеспокоиться о собственной безопасности. А также о безопасности своей челяди, своих слуг и служанок – и рыжих, и черноволосых, и всех прочих, сколько бы их не оказалось за этими врезанными в скалу вратами. Кром! Выходит, зеленоглазая девчонка не врала насчет силы своей госпожи!

Увлеченный этими раздумьями, он даже не дрогнул, когда мерцающие створки с тихим шелестом разъехались в стороны, открыв широкую лестницу белого мрамора, полого уходящую вниз. По лестнице двигалась пышная процессия: девушки в ярких разноцветных одеждах, с диадемами в высоко подобранных волосах; мужчины, облаченные в сиреневые, палевые и лиловые плащи, державшие в руках светильники – не факелы или масляные лампы, а сиявшие ровным светом шары на серебряных стержнях; другие мужчины, в доспехах из панцирей морских черепах, инкрустированных золотом и перламутром, с трезубцами и обнаженными волнистыми клинками, с секирами в форме полумесяца, с боевыми молотами, остроконечными или загнутыми словно клюв коршуна. Некоторые из этих воинов вели тигров, леопардов и черных пантер в шипастых ошейниках – вели не на цепях, а на шелковых лентах или тонких ременных поводках; и это показалось Конану столь удивительным и необычным, что он не сразу заметил ту, что выступала во главе процессии.

Но заметив, уже не мог отвести от нее глаз. Он не мог бы сказать, как и во что она одета: плащ и туника ее, и корона рыжих волос, и сверкающие искорки самоцветов казались неким воздушным золотистым заревом, на фоне которого выступало прекрасное лицо – с кошачьими зелеными зрачками, с алой раной рта, с ровными дугами бровей под высоким чистым лбом. Он сразу узнал ее и все же оставался в сомнении: она ли это или не она? Давешняя рыжеволосая девчонка была беспутной юной богиней, снизошедшей к простому смертному; теперь же богиня встречала его во всем блеске величия и красоты – так, как бессмертные являются великим героям и вождям, желая почтить их и намекнуть, что они равны – или почти равны – друг другу.

От блистающей толпы отделился человек в доспехах, украшенных полумесяцем, с гривой светло-желтых волос; чертами лица он напоминал льва. Низко поклонившись Конану, он произнес:

– Владычица наша приветствует тебя, странник. Ты – желанный гость в царстве ее, и все тут покорно твоим велениям: люди и звери, ветры и облака, деревья и травы. Ты, пришедший из волн морских, из мира тревог и суеты, обретешь здесь покой; ты – властелин наш, первый после Владычицы, и воля твоя – закон.

Первый после Владычицы, отметил Конан; значит, все-таки второй. Вторым он быть не привык, даже в гостях – и, тем более, после женщины. Но встреча, уготовленная ему, выглядела великолепной, и сейчас не стоило считаться местами. А потому, не отрывая глаз от прекрасного лица и стройной фигуры рыжеволосой, он произнес:

– Владычица добра ко мне, и боги вознаградят ее за гостеприимство.

«Еще как добра!» – подумал Конан, жадно уставившись на соблазнительную грудь хозяйки острова; теперь он не сомневался, что перед ним та самая зеленоглазая служаночка, что одарила его своими милостями в пальмовой беседке.

– Войди же во дворец Владычицы и вкуси отдых, – сказал воин-Лев, снова кланяясь и простирая руки в сторону лестницы.

Пестрая толпа придворных расступилась; женщины, мужчины и звери стояли теперь двумя шеренгами у мраморных перил подобно статуям, украшавшим тянущуюся вниз лестницу. Владычица, должно быть, заметила откровенные взгляды гостя; по губам ее скольз-

нула лукавая улыбка, голова в брильянтовой диадеме чуть склонилась; истолковав это как приглашение, Конан направился к пологим ступеням.

Они начали спускаться вниз, неторопливо и торжественно. Следуя за хозяйкой подземного дворца и вдыхая исходившие от нее горьковато-сладкие ароматы, киммериец то наблюдал за плавным раскачиванием бедер Владычицы, то с нескрываемым любопытством озирался по сторонам. Лестница уходила вглубь, так далеко, что никакие бури и ураганы, бушевавшие на поверхности, не могли беспокоить обитателей подземелья; сотни сияющих шаров озаряли ее ярким светом, почти неотличимым от солнечного.

В молчании, сопровождаемые бесконечной процессией воинов и слуг, они миновали спуск и очутились в огромном круглом зале с потолком, напоминавшим шатер: колонны, украшавшие его, продолжались ребристыми выступами вдоль всего свода, соединяясь в центре его, где сверкала большая восьмилучевая изумрудная звезда. Исходивший от нее свет, зеленый и таинственный, смешивался с блеском белых шаров в руках слуг, и потому весь просторный чертог выглядел будто бы погруженным на шесть или восемь локтей в морские глубины, где солнечные лучи, еще сохранив свою силу, пронизывают толщу вод. Словно для того, чтобы подчеркнуть это сходство, стены зала промеж колонн были декорированы причудливыми раковинами и панцирями морских чудищ.

Отсюда они двинулись просторным коридором, который выводил в чертог поистине титанических размеров, тоже круглый, не меньше трехсот шагов в поперечнике. Вокруг стен его ряд за рядом шли балконы и галереи, соединенные изящными лестницами; понизу бежала круговая дорожка, выложенная плитками нефрита, лазурита и яшмы; на равных расстояниях зияли стрельчатые арки, ведущие в анфилады богато убранных покоев; потолок сиял небесной голубизной. Но главным был сад – пышный сад, обрамленный круговой дорожкой из цветного камня. Владычица обошла его почти целиком – быть может для того, чтобы гость мог полюбоваться лимонными и апельсиновыми деревьями в цвету, вдохнуть аромат пестрых орхидей, услышать тихий шелест серебристых ив, склонившихся над глубокой перламутровой раковиной бассейна, восхититься горкой из янтаря тысячи оттенков, засаженной маками, тюльпанами, лилиями и прочими цветами красных, оранжевых и желтых оттенков. Еще тут были фонтаны, в коих струилось вино (что Конан безошибочно установил по запаху), мраморные и порфировые беседки, прятавшиеся под ветвями развесистых дубов, дорожки, посыпанные цветным песком, изваяния богов и демонов стихий, статуи невиданных животных, клетки с яркими птицами, множество видов кустарника, цветы и маленькие каналы с прозрачной водой, над которыми были переброшены крохотные мостики, непохожие друг на друга, то плоские, то ступенчатые или выгнутые изящными арками.

Из этого чудесного сада они направились в анфиладу особо роскошных покоев, уставленных драгоценной мебелью – столами, инкрустированными редким камнем, креслами и диванами, обшитыми мягкой кожей, бархатом либо шелком, резными ларцами и сундуками, на крышках которых виднелись картины, выложенные цветным жемчугом, шкафами из черного и красного дерева с затейливой резьбой, хрустальными семисвечниками, в коих пылали все те же световые шары, кувшинами и вазами, то огромными, в человеческий рост, то совсем небольшими, величиной в ладонь, зато украшенными росписью в кхитайском стиле. Нашлось тут место и алтарям светлых богов, Митры, Ормазда и Исиды; перед ними курились благовония, сандал и мускус, наполняя воздух приятными запахами.

Впрочем, все эти чудеса вскоре утомили Конана; он жаждал поскорее добраться до пиршественного зала, а потом – до спальни хозяйки. Он не сомневался, что рано или поздно туда попадет. Эта рыжеволосая зеленоглазая красавица – безусловно, колдунья! – уже представила доказательства своего благоволения. И свидание в пальмовой беседке у скал, и пышная встреча на пороге подземного дворца, и обещания сделать его господином над людьми

и зверями, ветрами и облаками, деревьями и травами – к чему бы все это? Ответ был только один, и Конан знал его так же четко, как семь молитв в честь Бела – божества, посылающего удачу вора и авантюристам. Кстати, его изваяний он здесь не обнаружил и решил, что лукавый бог Заморы не удостоен почитания прекрасной хозяйки.

Итак, он следовал за ней, ступая грубыми сапогами по мягким шелковистым коврам и прихотливым мозаикам, приносясь и прислушиваясь, надеясь уловить звон посуды, а также запахи жаркого и свежего хлеба. Но отвели его не за стол и не на ложе, а в чертог с бассейном, полным горячей воды и обнаженных прелестных девушек; они поджидали его с губками в руках, и Конан понял, что у блюда с мясом он окажется не скоро.

Так оно и случилось. Выбравшись из купальни, он попал в лапы брадобрею и массажисту, а когда с этими процедурами было покончено, киммериец обнаружил, что одежда его исчезла. Ему оставили только кинжал, древний стигийский клинок из Файона, чьи ножны, лезвие и рукоять вполне гармонировали с окружавшей роскошью. Вместо рубахи, штанов и просоленной кожаной куртки его облачили в одеяние из ткани, напоминавшей серебристую рыбью чешую или кольчугу: она так же сияла лунным светом, как иранистанский булат, но была шелковистой и почти невесомой. Вместо грубых сапог он получил башмаки из мягкой алой кожи, вместо своего ремня – пояс из перламутровых пластин, оправленных в золото; под конец на шею ему повесили драгоценную цепь, а темные волосы украсили изумрудной короной и жемчужными заколками.

В таком виде он и попал на пиршество, а после него – в опочивальню хозяйки, прекрасной Дайомы, Владычицы миражей и снов. Но все, что свершилось меж ними на убранном шелками ложе, было чистейшей реальностью, ибо в делах любви женщины не признают иллюзий.

Глава 3

Тоска и память

Пятеро обитали в мире, и хотя был тот мир велик, нити их судеб сплетались все крепче, суля одним жизнь, другим – смерть, третьим же разочарование. И было то воистину справедливо, ибо никто не может противиться велениям рока и собственному предназначению!

Его могущество было велико, но власть над живым, особенно над мыслящим и разумным, была ограничена. Веками Он раздумывал над этим, пытаясь вспомнить, всегда ли было так, пытаясь уяснить причину, смысл и цель довлевших над Ним запретов. Вероятно, Он все-таки не являлся всемогущим и мог распространить свою безраздельную власть лишь на мертвую субстанцию, тогда как живая требовала каких-то особых талантов, некоего иного дара, которым Он не обладал.

Ему не удавалось сотворить живое – даже самое ничтожное из существ, обладающее самым примитивным чувством. Горы рушились по Его велению, но галька или горсть песка не желали превращаться в пчелу или дождевого червя; он обладал силой, способной поколебать землю, но сотворение улитки оставалось для Него недостижимым. Впрочем, Он мог если не создавать, то преобразовывать живое; пусть та же галька не обращалась пчелой, зато не составляло труда сделать из пчелы улитку или червяка, а более крупную тварь осчастливить человеческим обликом – или наоборот. Он так же с легкостью путешествовал из тела одного Избранника в плоть другого – тут требовалось лишь учесть, что животные, даже самые большие, для этой цели не подходили: наличие разума и души являлось обязательным условием Его метаморфоз.

Особенно души! Ибо Он мог покинуть плоть человеческую только вместе с душой своего Избранника, отлетавшей в вечный сумрак Серых Равнин. Иных способов не существовало; чтобы уйти, Он должен был убить – вернее, дожидаться, когда Избранника убьют. Но такая попытка, предпринятая против Его желания, привела бы к смерти незадачливого убийцы. Пока тело Избранника устраивало Его, тот был неуязвим – почти неуязвим. И почти бессмертен!

А если б некто сумел убить такое почти неуничтожимое существо, то сам сделался бы Его добычей. Превосходной добычей! Ибо сразивший Избранника был бы личностью незаурядной, сулившей Духу Изменчивости желанную новизну; а значит, Он избрал бы его и поселился в нем, без сожалений расставшись с прежним телом. Новое привлекает!

И оно, это новое, привлекало Древнего Духа все больше и больше, все сильнее и сильнее. Не в первый раз подобные чувства охватывали Его, становясь предвестниками грядущих перемен; временами Он ощущал томление и скуку, а это значило, что пора искать очередного Избранника.

* * *

Конан, стоя по пояс в воде, приподнял сосуд, и багряная струя хлынула в морские волны.

– Тебе, Шуга, старый пес! – провозгласил он. – Глотни винца и не тоскуй на Серых Равнинах о прошлом!

Вино было настоящим барахтанским – таким, каким и положено свершать тризну над дорогими покойными, не вернувшимися из океанских просторов. Во всяком случае, оно

пахло, как барахтанское, и отличалось тем же терпким горьковатым вкусом и нужным цветом, напоминавшим бычью кровь. Быть может, думал Конан, Дайома, Владычица иллюзий и снов, отвела ему глаза, подсунув вместо барахтанского сладкое аргосское или кислое стигийское, но вряд ли. За месяц, проведенный на Острове Снов, он убедился, что рыжеволосая колдунья способна сотворить фазана из пестрой гальки и сверкающую мантию из лунных лучей – к чему бы ей обманывать с вином? Нет, барахтанский напиток не был иллюзией – в чем он убедился, в очередной раз отхлебнув из кувшина.

– Тебе, Одноухий, свиная задница! – Вино щедрой струей хлынуло в воду. Одноухий занимал на «Тигрице» важный пост десятника стрелков и его полагалось почтить сразу после Шуги, кормчего. – Тебе, Харат, ослиный кал! Тебе, Брода, мошенник! Тебе, Кривой Козел!

В кувшине булькнуло. Он опрокинул остатки вина себе в глотку, добрел до берега, где выстроились в ряд десятков амфор, прихватил крайнюю и снова вошел в воду. Чего-чего, а вина у него теперь хватало! Да и всего остального, что только душа пожелает... Всего, кроме свободы.

Он отпробовал из нового кувшина, желая убедиться, что в нем барахтанское. Барахтанское и было: красное, терпкое, крепкое. Как раз такое, каким упивались парни с его «Тигрицы» во всех прибрежных кабаках.

– Тебе, Патат, безногая ящерица! Тебе, Сtimo, бычий загривок! Тебе, Ворон, проклятый мазила! Тебе, вонючка Рум!

Да, хороший пир он задаст своему экипажу! Вина в досталь, хоть купайся в нем! А ведь известно, что покойникам много не надо – пару глотков или там по полкружки на брата, и они уже хороши. Значит, остальное он может выпить сам...

Что Конан и сделал, а потом принес новый кувшин.

– Касс, разбойная рожа, тебе! И тебе, Рикоза, недоумок! Прах и пепел! Пейте, головорезы, пейте! Капитан помнит о вас!

Он выкрикивал новые имена, прозвища гребцов, стрелков, рулевых – всех, кто покоился на морском дне, чью плоть сожрали рыбы, объели крабы, чьи души томились сейчас на Серых Равнинах. Он старался не глядеть на проклятый оскал рифов, на гигантские акулы зубы, в которых догнивал остов «Тигрицы»; зрелище это будило в нем яростный гнев. Кому-то он должен предъявить счет, кто-то обязан ответить!

Дайома? Возможно, и Дайома! В этом он еще не разобрался, но разберется! Обязательно разберется! Вот только покончит с этими кувшинами...

– Тебе, Дарват, склизкая гадюка! Тебе, Гирдрам, протухшая падаль! Тебе, Коха, моча черного верблюда! Тебе, Рваная Ноздря, волосатый винный бурдюк!

Запас вина и ругательств кончился. Побросав в море пустые кувшины, Конан, пошатываясь, отошел к скалам, облегчиться; он прикончил три или четыре амфоры, но до сего момента не мог нарушить торжественность обряда. Закончив и застегнув пояс, киммериец побрел в глубь острова.

Тут все уже цвело и плодоносило. За лентой золотистого песка высились пальмы; теплый бриз полоскал зеленые веера листьев, меж ними свисали вытянутые гроздья фиников или огромные орехи, полные сладкого сока. За пальмовой рощей и травянистым лугом начинался лес, ухоженный и тенистый, ничем уже не напоминавший прежний бурелом из вывороченных стволов и переломанных ветвей. В лесу ветвилась паутина дорожек, и гулять по ним можно было с рассвета до заката, забредая все в новые и новые места; хоть с моря или с любой возвышенности остров выглядел небольшим, но временами Конану казалось, что он не уступает размерами Боссонским Топям, протянувшимся от границ Зингары до самых киммерийских гор.

Возможно, это было иллюзией, вызванной колдовским искусством зеленоглазой Дайомы? Возможно... Точного ответа он не знал; его возлюбленная не любила расспросов насчет своих чародейных дел. Однако она не возражала, когда он захотел посмотреть, как будет приводиться в порядок остров – наверное, хотела убедить его в своей силе и власти над этим клочком земли, заброшенном в Западный океан.

У нее был какой-то магический амулет, опалесцирующий серебристый камень, который она носила на лбу, на золотой цепочке, прятавшейся в рыжих волосах. Велением ее камень начинал светиться, и призрачное марево окутывало скалы, камни, песок, деревья и мертвые тела животных. То, что свершалось потом, напоминало сон: заглаживались шрамы и трещины на израненных смерчем утесах; сваленные беспорядочными горами валуны вновь занимали отведенные им места, живописно подчеркивая то берег маленького пруда, то куст сирени, то зеленый бархат лужайки; грубые серые пески превращались в золотую мягкую пыль, ласкавшую босые ступни; деревья, поваленные, изломанные и расколотые, опять обретали цельность, покрывались листьями и плодами, возносили кроны свои к синим небесам. И животные! Они оживали, поднимались на ноги, отряхивались; в их глазах не было и следа пережитых страданий, словно мучительная гибель под градом камней и древесными стволами мнилась им сном, прошедшим и навсегда забытым.

Некоторых, истерзанных до неузнаваемости, Дайома не пожелала возвратить к жизни. Зачем? На берегу было сколь угодно камней: из небольших серых галек получались кролики, шустрые белки и обезьянки; из розовых гранитных глыб – львы и тигры; из пестрых валунов – олени, косули и антилопы; из черного обсидиана – черные пантеры. Наблюдая за этим творением живого из неживого, потрясенный Конан не раз задавался вопросом, сколь велика власть рыжеволосой колдуньи над людьми. Быть может, она могла, разгневавшись, обратить его в жуткое чудище? В звероподобную тварь, в вампира-вервольфа, в ядовитого змея или что-нибудь похуже?

Он спросил об этом, но Дайома только рассмеялась. Но как-то потом сказала, что с людьми дела обстоят не столь просто. У человека, даже у самого злобного из стигийских магов, даже у жестокого поклонника Нергала, есть душа – в том и состоит отличие его от зверя. Светлые боги даровали людям не только разум, но и чувство прекрасного, отвагу, умение любить и ненавидеть, гордость, любопытство, самоотверженность, тягу к непознаваемому, юмор, наконец; и все это должным образом упорядочено в человеке и приведено в равновесие с великим искусством. Все это, и многое другое, плохое и хорошее, и составляет душу человеческую – вечную ауру мыслей и чувств, расстающуюся с бранным телом в момент смерти и отлетающую на Серые Равнины, чтобы ожидать там срока Последнего Суда. И столь сложна и непостижима субстанция души, что немногие из мудрых магов или могущественных демонов рискуют прикоснуться к ней, извлечь из тела человеческого и переселить в иную тварь. Ну, а уж создание новой души подвластно только светлым богам!

Слушая рассуждения своей подруги, Конан прикрывал лицо ладонью и ухмылялся. Сам он, безусловно, богом и чародеем не был, но извлек немало душ из бранный плоти своим мечом и топором, и наплодил, быть может, не меньше – если считать, что те красотки, что делили с ним ложе от Аргоса до Уттары, не были все поголовно бесплодными. Есть, выходит, вещи, в которых люди равны богам!

Он начал расспрашивать Дайому о ее слугах, о прелестных служанках, о воинах в доспехах из черепаших панцирей, о поварах и садовниках, цирюльниках и массажистах, музыкантах и танцовщицах. Выяснилось, что все они произошли от животных и птиц, а следовательно, и душ никаких не имеют – так, одна видимость, фантом человека, но не человек. Дайома утверждала, что, с помощью светлого Ормазда и луноликой Иштар, она могла бы сотворить души, но только немного, три, четыре или пять, ибо ее чародейная сила тоже имеет свой предел. Душа, говорила она, материя тонкая, связанная неошутимыми эманаци-

ями с Предвечным Миром и всей огромной Вселенной; а потому легче уничтожить горный хребет или осушить море, чем создать одну душу – столь же полноценную, как та, что появляется на свет с первым младенческим криком.

Конан успокоился, решив, что превращение в медведя, кабана или волка ему не угрожает. Десять дней он пил и ел, делил с Дайомой ложе и не думал ни о чем ином. Другие десять дней он прогуливался по возрожденному острову, не приближаясь к бухте, где торчали на рифах останки его «Тигрицы». Еще он ел и пил, почти с тем же аппетитом, что и раньше, а также не пренебрегал опочивальней своей рыжеволосой возлюбленной. Но потом его потянуло к морскому берегу, к обломкам корабля, к рифам, у подножий которых упокоился его экипаж, восемьдесят с лишним молодцов с Барахского архипелага. Конечно, были они ублюдками и насильниками, проливавшими кровь людскую как воду, но все-таки и у них имелись души... И, вспоминая об этом, Конан делался хмур и мрачен. Десять следующих дней он больше пил, чем ел, и наконец собрался справить тризну по погибшим товарищам.

А справив ее, пошел на неверных ногах к середине острова, забрался на высокую скалу и долго, с тоской, глядел в море – сам не зная, чего ищет. Жизнь на Острове Снов была такой спокойной, такой тихой, такой изысканной – и такими сладкими были объятия Дайомы, такими медовыми ее поцелуи... Он чувствовал, что сам превращается в медовую ковригу – из тех, коими торговали вразнос на базарах Кордавы и Мессантии по паре за медный грош.

И это ему не нравилось. По правде говоря, он предпочел бы стать медведем, кабаном или волком-оборотнем.

* * *

Дайома, Владычица Острова Снов, всхлипнула и вытерла свои прекрасные глаза. Но предательская влага набежала вновь; на длинных ресницах повисли слезинки, сверкающие крохотными бриллиантами.

В чем она виновата? Что сделала не так?

Она была щедрой; она подарила ему покой, негу и любовь – такую любовь, какой не удостоивала никогда ни смертного, ни бога... даже самого Ормазда, снизошедшего к ней через тысячу или полторы лет после Великой Катастрофы... Да, сам Ормазд, светлый и всемогущий, не пробудил в ее сердце подобной страсти! А ведь он не просто бог! Бог богов, почти равный Митре, Хранителю Мира!

И все-таки этот дикарь-киммериец был ей дороже. Дайома следила за ним давно, всякий раз, когда он оказывался в досягаемости ее волшебного зеркала; она томилась и мечтала о нем – так же, как стигийский колдун мечтал о ней в своем мрачном северном замке. Но тут была и разница, очень существенная разница: стигиец жаждал поработить ее, взять в плен, держать, как редкостную птицу в клетке, тогда как она не могла и помыслить о том, чтобы пленить своего киммерийца магическими силами. Видит Иштар, она даже не пыталась вызвать ветер, который пригнал бы его корабль к Острову Снов!

Если бы не буря, поднятая стигийцем и проклятым демоном, вселившимся в него, Конан и сейчас плавал бы где-нибудь у берегов Аргоса или Шема...

И разве виновна она, что экипаж «Тигрицы» пошел на дно – весь экипаж, кроме самого сильного, самого отважного? Ее героя, ее возлюбленного! Он, лишь он один смог выплыть из кипящих бурунов, из яростных волн, доказав, что достоин ее ложа!

А если бы она тоже вызвала бурю, направила к северу ураган, чтоб отразить натиск стигийца, разве это спасло бы его судно и его людей? Скорее всего, они, попав меж молотом и наковальней, потонули бы в океане, во многих тысячах локтей от ее острова... и корабль, и команда, и сам Конан... Одна мысль об этом была невыносима!

Но она его спасла! Спасла, пожертвовав своей цветущей землей, виноградниками и фруктовыми рощами, и пальмами, и золотым песком! Он видел, сколько пришлось трудиться, чтобы привести все в порядок! Неужели он не ценит ее жертвы? Или даже не догадывается о ней?

Сквозь слезы Дайома заглянула в зеркало, и картина, отразившаяся в магическом кристалле, расстроила ее вконец. Конан, пошатываясь, стоял на вершине скалы, грозил небу кулаками и изрыгал проклятия. Темные волосы его растрепались, жемчужные заколки выпали, драгоценная серебристая туника из ткани дзонна была измятой и мокрой; в глазах же возлюбленного, синих, как небо на закате, стыла тоска.

Тоска!

Чего же ему надо?

Он говорил, что является искателем славы и богатств, и он не лукавил: то, что она видела в своем магическом кристалле, подтверждало его слова. Он и в самом деле ходил по свету, искал богатство и честь, бился за них на море и на суше, в Гиперборее и Туране, в Офире и Стигии, в Асгарде и Заморе, в Боссонских топях, в дебрях Конаджохары и Черных Королевствах... И она, при первой их встрече, обещала ему то, чего он жаждал – богатство и славу.

И не обманула!

Правда, лишь богатство было реальным; богатство и роскошь ее подземного дворца, золото и драгоценности, чудеса ее садов, ее вышколенные слуги, что могли угадать даже невысказанные желания. Богатство, нега, покой... Что еще нужно мужчине, такому мужчине? Слава? Что ж, она выполнила свое обещание и насчет славы... Она посылала ему сны; сны, в которых он был великим воином и полководцем, покорителем стран и городов; сны, в которых он вел огромные армии через горы и пустыни, на штурм вражеских цитаделей; сны, в которых он сражал великанов и демонов; сны, в которых он, восседая на престоле, правил и вершил суд. Разве этого мало?

Иллюзия, конечно; зато, обладая всем этим – пусть во сне, а не наяву – он не подвергал риску свою жизнь... Или он хочет именно риска? Жаждет опасностей и странствий? Больше, чем ее любви?

Если б она могла отправить его в последний поход... в самый последний, после которого он принадлежал бы ей, только ей, нераздельно... Если б он в последний раз испил чашу риска и возвратился, оценив то, что она готова ему предложить... Если б он дал слово, что останется с ней навсегда... Если б он...

Внезапно глаза Владычицы сверкнули, слезы высохли; она поднялась, отложив зеркало в сторону, потом решительно протянула над ним ладонь, стиснула пальцы в кулак и выпрямила их, шепча заклинания. В прозрачной глубине возникли каменные башни под серым хмурым небом, белые снега, что громоздились у стен отлогими холмами, скованное льдами море... Мгновение она всматривалась в ненавистный замок, в угрюмый пейзаж, потом стерла картину одним повелительным жестом тонкой руки.

Если б он уничтожил стигийца! Уничтожил, остался жив и возвратился к ней! Навсегда!

Эти желания – избавиться от стигийца и сохранить возлюбленного – были столь сильны, что порожденный ими магический импульс достиг Камня; Серого Камня, застывшего на своем железном ложе в глубочайшем из подвалов ее дворца. Камень все так же казался холодным и мертвым, но то была лишь иллюзия, одна из многих иллюзий, что так охотно подчинялись Владычице Острова Снов, прекрасной Дайоме. На самом деле искорка жизни зажглась, вспыхнула и начала разгораться в твердой и жесткой глыбе гранита... Или то был базальт?... Такой же твердый, жесткий и неподатливый?

Но Камень не был уже ни базальтом, ни гранитом, ни мертвым обломком скалы. Он будто бы плавился изнутри; вспыхнувший в нем огонь шел все дальше и дальше, пока не прикоснулся к поверхности – и она тоже начала плавиться и течь, вспучиваясь в одних местах и опадая в других, где-то вытягиваясь и где-то сокращаясь, расширяясь и суживаясь, подрагивая и трепеща. Так длилось долго, очень долго, пока глыба базальта – или гранита? – не приняла новую форму, напоминавшую высеченное из камня человеческое тело. Оно было серым и холодным, но уже не мертвым, как породивший его обломок скалы.

И Владычица Дайома, почувствовав вспыхнувшую в камне жизнь, довольно кивнула головой и села в кресло – поразмыслить о стигийце, о Древнем Духе, который покровительствовал ему, о своем возлюбленном и о существе, пробудившемся от сна в самой нижней камере ее дворца.

* * *

– Мой корабль был сделан из хорошего дерева, – сказал Конан. – Обшивка пробита, киль треснул, весла переломаны, но осталось много крепких досок. Клянусь Кромом, был бы у меня топор...

Он замолчал, мрачно уставившись на клетку с крохотными птичками в многоцветном оперении, чьи мелодичные трели соперничали со звоном фонтанных струй. Фонтан бил вином; судя по запаху, это было аргосское.

– И что бы ты сделал, будь у тебя топор? – спросила Дайома. Владычица Острова Снов сидела в невысоком креслице из слоновой кости. Поза ее была небрежной и соблазнительно-ленивой, но прищуренные глаза с тревогой следили за киммерийцем. Он расположился в траве у ее ног, задумчиво уставившись в большую серебряную чашу.

– Я сделал бы плот, если б нашлись веревки, – сказал Конан. – Сделал бы плот и уплыл на восток или на запад... или на север, или на юг... к большой земле или в пасть Нергалу, все равно.

Прекрасные глаза Дайомы наполнились слезами.

– Тебе плохо со мной... – прошептала она. – Плохо, я знаю... Но почему? Разве ты не искал богатства и славы? И разве ты не обрел их? Тут, у меня?

– Богатство – пожалуй... Но слава, что приходит во сне, и кончается вместе с ним, мне не нужна. Утром я уже не помню, с кем сражался и кого покорила. Но Кром видит, не это самое главное...

– А что же?

– Что? – Конан медленно перевернул чашу, убедился, что она пуста, и вновь наполнил ее из фонтана. – Знаешь, я странствовал по свету и думал, что завоюю власть, славу и богатство и буду счастлив. Но здесь, у тебя, я понял, что все не так. Не так! Поиск сокровищ дороже самих сокровищ, битва за власть дороже самой власти, путь к славе дороже самой славы... Понимаешь?

Дайома понимала, но, как всякая женщина, спросила совсем о другом.

– А я? Разве я не дороже власти, славы и богатства? Конан отпил из чаши, потом небрежно погладил округлое колено своей возлюбленной.

– Ты очень красива, рыжая... Ты красива, и ты – великая чародейка, мастерица на всякие хитрые штуки... и цена твоя много выше славы, власти и богатства... Но путь к ним стоит еще дороже. Дороже всех женщин в мире! Клянусь бородой Крома, это так! – Он допил вино и добавил: – К тому же, я хочу отомстить.

– Кому? – Прикрыв лицо ладонями, Дайома попыталась незаметно стереть слезы.

– Тому, кто погубил мой корабль. Тому, кто отправил на дно моих парней! Все они были проклятыми головорезами, и жизни их, пожалуй, не стоят медной стигийской монеты... Но не для меня! Не для меня! – Он яростно стиснул кулак. – И я хочу отомстить!

– Волнам и ветру? – спросила Дайома, лаская его темные волосы. – Ты безрассуден, милый!

– При чем здесь волны и ветер? Мой кормчий сказал, что буря наслана... А Шуга, барахтанский пес, понимал толк в таких делах! Прах и пепел! Наслана, понимаешь! Кем? Вот это я хотел бы знать! Кем и почему!

Несколько мгновений хозяйка Острова Снов пребывала в задумчивости, размышляя, что сказать и как сказать; она почти уже решила, что план ее насчет стигийца нужно исполнить и извлечь из него максимальную выгоду. Взгляд Дайомы скользнул по пышной растительности домашнего сада, по высокому потолку, прекрасной иллюзии безоблачных небес, по могучей фигуре Конана и его кинжалу в блистающих самоцветах ножах. В конце концов, подумала она, не так уж хитро изловить одной сетью двух птиц; главное – расставить силки в нужном месте и в нужное время. И позаботиться о приманке!

– Скажи, – ее пальцы утонули в гриве Конана, – если б ты отомстил, твое сердце успокоилось бы? Ты вернулся бы ко мне и принял все, чем я готова тебя одарить? Покой, негу, любовь...

Конан, подняв голову, подозрительно уставился на нее. Кажется, начинались женские игры: домыслы и предположения, намеки и хитрости. Что ж, посмотрим, кто кого переигрывает!

– Отомстил – кому? Волнам и ветру? – поинтересовался он с усмешкой.

– Нет, пославшему их. Видишь ли, твой кормчий был прав...

Вскочив, киммериец словно стальными клещами стиснул запястья Дайомы; в глазах его замерцал опасный огонь.

– Ты знаешь его имя? Кто он? Клянусь, Кром получит его печень!

– Предположим, знаю. И предположим, ты сумеешь отомстить. Что дальше? Ты согласишься ко мне?

Он яростно мотнул головой.

– Нет! Мир велик, и я не видел сотой его части. А здесь... здесь, у тебя, я словно в темнице с золотыми стенами... Нет, рыжая, к чему врать – я не вернусь!

– А если месть окажется тебе не по силам? Если ты столкнешься с могущественным существом, с тварью, которую нельзя убить?

– До сих пор ни одна тварь не уходила от моего меча, – произнес Конан и встряхнул женщину. – Так ты скажешь мне его имя?

– Я подумаю.

– Имя!

– Ладно, – сквозь прищуренные веки она следила за его лицом. Поистине, он был прекрасен в ярости! И куда желанней Ормазда, не говоря уж о стигийце... – Ладно, – повторила Дайома, – я скажу и даже помогу тебе, но не сейчас.

– Имя!

– Будь же благоразумен... ты все равно не справишься без моей помощи. Если ты выступишь в бой, то куда поплывешь на нем? До Западного и Восточного материков добраться нелегко, а на юге и севере простирается лишь бесконечный океан. Твой плот развалится через десять дней, или ты погибнешь от голода и жажды... Я не желаю тебе такой смерти, милый!

– Тогда сотвори мне корабль! Большую галеру, с двумя мачтами и острым носом, с веслами и парусами!

– Зачем тебе корабль без команды?

– Дай мне команду! У тебя много слуг! Дайома покачала головой.

– Моя власть велика, но только вблизи острова, где мои иллюзии могут стать чем-то осязаемым и прочным. Вдали же, на землях, что лежат вокруг океана, они обращаются в сны... всего лишь в сны, милый, ибо я – не всесильная владычица Иштар, и боги положили предел моей власти. Так что корабль, который ты просишь, станет сухой ветвью в ста тысячах локтей от берега, а команда, слуги мои, превратятся в груды пестрого камня. И ты пойдешь на дно вместе с ними.

– Какую же помощь ты можешь обещать мне?

– Ну-у... Я попыталась бы пригнать сюда настоящее судно... Из Аргоса, Зингары или Шема... Если ты не будешь столь нетерпелив и согласишься на мои условия... – Дайома лукаво улыбнулась.

Брови Конана сошлись грозовой тучей, однако он выпустил ее запястья из железной хватки.

– Кром! Похоже, ты торгуешься со мной о выкупе! Словно взяла меня в плен!

– О, нет, милый, нет! Я только хочу, чтобы ты вернулся ко мне! Чтобы ты был со мной долго-долго, много дольше, чем отпущено тебе судьбой... жил на моем прекрасном острове в холе и неге, не старел и любил меня... Это ведь так немного, правда?

– Немного, – согласился Конан. – Всего лишь моя шкура, мои потроха и моя душа. Ну, и на каких условиях ты желаешь заполучить все это?

– Ты выполнишь одну мою просьбу... насчет той стигийской твари, что погубила твой корабль... Поверь, и я хотела бы уничтожить этого монстра, но слишком уж он далек, слишком искусен в колдовстве!

– Чего он хочет от тебя?

– Хочет заполучить меня на свое ложе. Хочет не только тело мое, но всю силу... всю магическую силу, которой меня наделили светлые боги... Хотя и сам стигиец силен, очень силен! Но если ты справишься с ним и привезешь мне доказательства победы, я тебя отпущу. Отпущу, даже если сердце мое разорвется от тоски!

– А если не справлюсь? – спросил Конан, пропустив замечание насчет сердца мимо ушей.

– Тогда останешься здесь навсегда. – Лукаво улыбнувшись, Дайома добавила: – Должен ведь кто-то защищать меня от домогательств мерзкого стигийца!

Наполнив чашу и медленно прихлебывая вино, Конан размышлял над сделанным предложением. Пока он не мог разглядеть подвохов, хоть смутно опасался всяких женских хитростей и коварства. К тому же стоило учесть, что рыжая была не обычной женщиной, а ведьмой и чародейкой, влюбленной в него словно кошка. Сам он, после первых бурных ночей, испытывал лишь томление и скуку, и это его не удивляло. Красота не главное в женщине; важнее самоотверженность. Белит могла бы умереть за него, но эта Дайома... Вряд ли, вряд ли...

Подумав о смерти, он сказал:

– Ты говорила о том, что произойдет, если я одолею стигийца или не справлюсь с ним, но останусь в живых. Может быть так или иначе, а может случиться, что я умру. И что тогда?

Дайома ласково растрепала его темную гриву.

– Но ведь твой меч непобедим! Не правда ли?

– И все же?

Лицо ее сделалось печальным, в прекрасных глазах блеснули слезы.

– Значит, так судили боги, милый... Им видней! Конан согласно кивнул и потянулся к фонтану, за новой порцией аргосского, но нежная ручка Дайомы остановила его.

– Ты слишком много пьешь, мой киммериец. Вино крадет силу...

Он стряхнул ее пальцы.

– Ничего! Аргосское лишь горячит кровь. И ночью ты в этом убедишься.

* * *

Поздно ночью, когда ее киммериец, опьяненный вином и ласками, уснул, Дайома прошла в святилище, где, между статуями Митры, Ормазда и Иштар, стояли два больших сундука. Один из них сиял цветом лунного серебра, другой был черен, как ночь или как душа предателя.

Помолившись у каждого из трех изваяний, Дайома воскурила фимиам и приблизилась к первому из сундуков. Ее рука легла на серебряную крышку, откинула ее, и облако радужных сияющих снов вырвалось наружу. То были счастливые и спокойные сновидения: веселой стайкой они пронеслись по залам подземного дворца, пестрым туманом затопили мрачную лестницу, миновали распахнутые врата, заполнили грот и вырвались на простор океанов и земель. Эти сны несли добрым людям слова и облик покинувших их родичей, ласковый шум прибоя, аромат цветущих садов; иным же, особо избранным, посылалось благословение Митры, пробуждающее в душе тягу к непознанному и странному.

Проводив первых своих гонцов, Дайома подняла крышку черного сундука и быстро отступила в сторону. Бурая мгла затопила святилище, потянулась к дверям, пролетела подземным чертогом и, поднявшись ввысь, затопила мир. Страшные сны заставляли стонать разбойников и убийц, жутким кошмаром вторгались в сознание каждого стяжателя и вора, каждого жестокого правителя, мучали тиранов и самовлюбленных гордецов, терзали жадных и злых. К сожалению, этих мерзавцев было куда больше, чем праведников – и, к сожалению, жуткие миражи не слишком их устрашали. К тому же по ночам большая часть людей такого сорта предавалась пьянству и разврату, не замечая стараний Владычицы Острова Снов.

С печальным вздохом Дайома захлопнула сундуки, потом покинула святилище и спустилась в самую глубокую из подземных камер дворца. Тут было холодно, и она зябко куталась в мантию из меха гиперборейских соболей, черно-седых, отливавших серебром в тусклом сиянии светового шара, горевшего в руке Владычицы.

Железный постамент и вытянутый Серый Камень на нем казались пятном тьмы, застывшим посередине подвала. Она приблизилась, приподняла шар левой рукой, положив правую на гладкую ледяную поверхность.

Под пальцами ее было плечо – массивное, грубо очерченное и холодное, но она улавливала и едва заметные токи тепла, поднимавшиеся из глубины, постепенно разогревавшие каменную твердь. Их следовало усилить и расщепить, направив к жизненным точкам: к печени и сердцу, к желудку и глазам, к голове, вместилищу разума. Это ее создание не являлось иллюзорным, как прочие слуги подземного дворца; оно не могло рассыпаться песком или вновь обратиться в гранит, оказавшись за границами ее магической силы. А потому над ним полагалось трудиться долго и тщательно.

Сняв цепочку с лунным камнем, она приложила волшебный кристалл к груди неподвижного существа и сосредоточилась. Токи тепла уверенно прокладывали дорогу сквозь неподатливую плоть и, покорные ее воле, превращались в сосуды с кровью. Не такой горячей, как у людей, но достаточно теплой, чтобы согреть и оживить ее голема. Вот множество струек пересеклось в его каменной груди, под самым магическим кристаллом, и там стукнуло сердце... Стукнуло раз, другой, и медленно забилося, разгоняя тягучую вязкую кровь, отогревая холодные члены.

Довольно кивнув, Дайома приложила свой талисман ко лбу голема, потом к его животу и паху, ощущая первые признаки жизни. Сотворенное ею существо слабо вздохнуло, и затхлый воздух подземной камеры впервые наполнил его грудь. Постепенно кожа голема теряла

оттенок и фактуру камня, становясь похожей на человеческую – не смуглой или розовой, но все же такой, какая присуща иным людям, долго не видевшим солнца. Черты его казались вырубленными зубилом каменотеса, и Дайома знала, что пройдет еще немало дней, пока он сможет раскрыть глаза, разомкнуть уста, выслушать ее повеления и произнести первые слова – слова покорности.

Впрочем, у нее еще имелось время. Стигиец выжидал; видно, пытался догадаться, какое впечатление произвела его атака на остров. Быть может, он вынашивал новые планы или советовался с древней тварью, поработившей его разум; Дайома не могла узнать об этом, ибо расстояние до Ванахейма было далеко.

Но киммериец его преодолеет! В этом человеке таился неисчерпаемый запас жизненных сил; они били ключом, бурлили потоком, заставляли трепетать от наслаждения в его сильных руках. Он был одинаково хорош и на поле битвы, и на ложе любви; и там, и тут он вел себя как воин, как завоеватель, покоряющий вражескую твердыню.

Нет, о нем не стоило беспокоиться! Он доберется до стигийца, убьет его и останется жив. И возвратится к ней!

Особенно, если дать ему в спутники надежного и верного слугу...

Стиснув в кулачке лунный талисман, Дайома долго всматривалась в черты голема, застывшие в каменной неподвижности. Потом она вздохнула и направилась к двери.

Глава 4

Замок и остров

Пятеро обитали в мире, и каждому было назначено в нем свое место для жизни: кому людские тела, кому равнины севера, кому остров меж океанских волн, кому твердая каменная плоть, а кому и весь свет, все его леса и поля, моря и горы. Так повелел Митра, а Воля его воистину нерушима – и для людей, и для демонов, сколь бы не мнили они себя всемогущими.

Избранник был обеспокоен, и это мешало Ему. Особенно сейчас, когда Он занимался таким важным вопросом: решал, в чье тело вселиться при очередном воплощении.

Это было серьезной проблемой, так как подходящих представителей рода людского имелось не столь уж много; к тому же, метаморфоза свершалась лишь при условии, что новый Избранник находится неподалеку, желательно совсем рядом. Временами такое ограничение раздражало Его, временами радовало, становясь частью игры, которую Он вел в этом мире. Пожалуй, если бы он мог все – абсолютно все! – развлечение было бы не столь увлекательным... К счастью, Он неоспоримо властвовал лишь над мертвой субстанцией; живая не покорялась Ему с тем же инертным безразличием.

Итак, кого избрать? Он уже решил, что проведет одно или два столетия в теле земного владыки, полководца и завоевателя, но имя кандидата оставалось пока неясным. Безусловно, не властитель какого-нибудь из Черных Королевств и не князь из Камбуи или Уттары: первые слишком дики, вторые – малы ростом и слабы плотью. Возможно, Избранником мог бы стать владыка Кхитая или некий хайборийский король... Но одни из них были старцами, другие – глупцами и развратниками, третьи – и вовсе крестинами, с немощным телом и жалкими мозгами. Ему же требовалась молодая плоть, способная выдержать пару веков, и восприимчивый разум. Впрочем, к разуму Он не предъявлял очень уж больших претензий; новому Избраннику полагалось скорее иметь некую цель, которая придает вкус жизни. Какова эта цель, Он не мог выяснить, не овладев очередным телом, но смутно ощущал ее присутствие – так же, как человек видит огни в тумане с расстояния тысячи локтей.

У Его нынешнего Избранника тоже была цель: рыжеволосая женщина с зелеными глазами. И жалкое это стремление заслонило прочие цели, более величественные и привлекательные, с чем Он никак не мог смириться. Теперь Избранник стал для Него совсем неинтересной игрушкой, пустым сосудом или обратившимся в уксус вином. К чему колебать горы или слать губительные ураганы? Чтобы женщина, ужаснувшись, покорилась? Ничтожная задача!

Еще недавно Он был готов помочь Избраннику, пустив в ход все свое могущество, но сейчас не желал и думать об этом. Такая метаморфоза была вполне в Его природе – ведь Он являлся Духом Изменчивости и, решившись переменить тело, переменял и отношение к стигийцу, чья плоть служила Ему пристанищем на протяжении почти двух веков. Все, чего Он жаждал теперь от Избранника – последней игры, последней и заключительной сцены, в которой тот падет мертвым, исторгнув душу свою, а вместе с ней – и Его, невидимого всадника, оседлавшего разум стигийца.

Но прежде Ему хотелось очутиться рядом с новым Избранным, дабы избежать многочисленных промежуточных пересадок.

Так чьей же плотью Он овладеет? Если величайшие властелины земного мира недостойны вместить Его, можно обратиться к варварам, к тем, кто молод, крепок телом, искусен в битвах и достаточно смел. Скажем, какой-нибудь предводитель северных дружин, ванир,

асир или гипербореец... Иранистанцы и туранцы тоже неплохи – прекрасные воины, горячие нравом и честолюбивые... Если выбрать такого, то долго ли внушить ему мысли о почестях и воинской славе? О господстве над всеми странами, о безраздельной власти, о покорении народов и земель? Это было бы забавно... Жить и странствовать под личиной великого завоевателя – после всех этих лет, проведенных на севере, в мрачном замке...

Эта идея все больше занимала Его и, стараясь не обращать внимания на призывы стигийца, молившего о помощи, Он погрузился в раздумья.

* * *

Откинув голову, полужакрыв глаза, простирая руки к темному беззвездному небу, маг вызывал ветер. Губы его шевелились – то медленно, то в стремительном лихорадочном темпе, торопя и подгоняя слова, что складывались в невнятный речитатив. Иногда он чертил пальцем тайные знаки, спирали и цепочки символов, горевшие в морозном воздухе миг-другой и распадавшиеся с сухим треском. Слова собирали тучи, подгоняли ветры; жестами и телодвижениями он указывал дорогу, по которой полагалось направиться его облачным войскам. Все заклинания, отточенные долгой практикой, он помнил наизусть и произносил без запинки, как всегда уверенно и твердо. Он делал все, как обычно...

Но ветры и тучи не повиновались ему.

Впрочем, ветер он в конце концов сотворил: легкое дуновение, пролетевшее над стенами замка и смахнувшее с них снег. Затем белая снежная пыль унеслась в ночную тьму, но было ясно, что эта жалкая поземка не доберется даже до киммерийских гор, а увянет где-то по дороге, напутав разве что мышь или сирюнча, грызуна с полярных равнин.

Нет, он добивался совсем не этого! Ему нужна была буря – такая же, как месяц назад; сокрушительный шторм, который он мог бы обрушить на Остров Снов! И обрушивать снова и снова, пока зеленоглазая ведьма не поймет бесплодности сопротивления...

Но ветры и тучи не слышали его.

Не слышали и вчера, и позавчера, не желали подчиняться его заклинаниям, проверенным за долгие годы, оставались глухи к словам, и к жестам, и к чарам. Впрочем, стигиец был слишком опытен, чтобы полагаться на все эти внешние, поверхностные атрибуты своего магического ремесла; он знал, что главное – это Сила. Да, Сила, глубинная мощь, скрытая внутри его естества, Сила, которой покорялись воды и ветры, огонь и камень, звери и люди. Неужели она покинула его?

Маг гневно потряс кулаками, отступившись от распахнутого окна. Кубический черный алтарь, его око, бдящее над миром, был по-прежнему послушен, как и другие волшебные талисманы; его знания, его мастерство оставались при нем, и он мог еще сотворить многое. Ушла лишь часть Силы – та, что позволяла повелевать стихиями.

Надолго ли? На месяцы, на годы? Или навсегда?

Раздраженно скривив губы, стигиец повернулся к каменному столу и вновь начал шептать заклинания. Вскоре черную поверхность затянуло туманной дымкой, постепенно редевшей, словно маг спускался к земле, пронизывая слои туч; под ними засинело море, а в нем возник остров – прекрасная цветная переливчатая жемчужина, нежившаяся на сапфировом покрывале океана. Несколько мгновений стигиец мрачно разглядывал ее, потом сделал повелительный жест, и остров исчез, сменившись вначале обширным гротом, освещенным сиянием луны, а затем – полутемной опочивальней.

Теперь перед ним был красиво убранный чертог, освещенный неяркими огнями, весь в лиловых и голубых коврах, с просторным ложем посередине. На ложе что-то двигалось в слитном и нерушимом ритме; струились пряди рыжих и черных волос, розовый мрамор рук скользил по могучим гранитным мышцам, губы тянулись к губам, щека прижималась к

щеке. Иногда стигиец мог разглядеть дразнящую округлость колена, грудь с напряженным соском или сильную широкую ладонь, спускавшуюся по чарующему изгибу женской спины; временами он различал отблески света на влажной, покрытой испариной коже, сверкание глаз, мерцающий пламень драгоценных камней на серебряном изголовье.

Стиснув кулаки, маг всматривался в сумрак покоя, возникшего в черном алтаре. Он глядел долго, и дыхание его все убыстрялось и убыстрялось, пока не стало таким глубоким, будто он, он сам, простирался сейчас на ложе любви в той комнате, трепетал от страсти, лаская женщину, вдыхал аромат ее кожи, гладил шелковистые рыжие локоны, засматривался в изумрудные глаза. Закусив тонкие губы, он смотрел и смотрел, пока на висках не начали набухать жилки; тогда стигиец пробормотал проклятье, взмахнул рукой над столом, и картина исчезла.

Несколько мгновений он стоял, ощущая свое унижение и позор. Она издевалась над ним! Дразнила его! Не потрудились даже сотворить заклятья, оберегающие от чужого взгляда... Хотела, чтоб он все видел! Рыжая потаскуха, змея, развратная гиена! Предпочла ему – ему! – безродного бродягу, головореза, провонявшего потом и мочой! Разбойника-киммерийца, тупоголового смрадного недоумка! Северную крысу, чей век недолог, а мозги находятся в брюхе!

Потаскуха! Дочь осла и свиньи! Зеленоглазая ведьма!

И все-таки он чувствовал, что жаждет обладать ею. Жаждет как никогда! Еще сильнее, чем прежде!

Маг снова простер руки над алтарем. Теперь в его блестящей поверхности отразились морские льды, высокий скалистый берег, замеченный снегом, подтаявшие сугробы у бревенчатых стен, грубые строения в периметре высокого частокола, дым, валивший из труб, три большие ладьи с драконьими носами, заботливо упрятанные под навес, ворота, у которых несла охрану кучка рыжих воинов в мехах и бронзовых шлемах. Городище Эйрима, вождя западных ванов... Если не всех, кто обитает на западе, так по крайней мере половины... Ваниры, племя драчливое и злое, не любили подчиняться, и потому народ их не признавал единой власти, но делился на множество разбойных дружин, промышлявших на юге и востоке. Те, кто обитали у моря, ходили за добычей на кораблях, и Эйрим был одним из самых храбрых и удачливых вождей.

Стигиец оглядел его корабли, воинов с большими секирами и покрытое льдом море, недовольно нахмурил кустистые брови и взмахом руки стер видение. Затем он принялся кружить по огромному мрачному залу, о чем-то сосредоточенно размышляя; он то шагал от стола к распахнутому окну, то беспокойно метался вдоль холодных стен, иногда касаясь рукой осклизлого, покрытого инеем камня. Наконец он решительно направился к дверям, открыл их и громким голосом велел явиться старшинам своей стражи. Их было трое, и каждый начальствовал над полусотней воинов.

Старшины не задержались; чувствовали, что господин гневен, и не хотели раздражать его еще более. Все трое были ванирами-изгоями – как и прочие охранники, наказанные своими кланами за преступления и особую жестокость. Торкол, самый молодой, с длинными висячими усами, убил отца и двух старших братьев, желая овладеть наследством – дряхлым кораблем и усадьбой с не менее дряхлыми строениями. Фингаст и Сигворт были постарше: первый из них резал и жег соседей, пока те кучей не навалились на него, заставив убраться из восточных лесов Ванахейма на побережье; второй взбунтовался в походе против военного вождя, но проиграл схватку и был вынужден служить стигийскому чародею – никто из северных князей не дал бы ему теперь места у очага, не доверил бы корабль с воинами. Впрочем, стигийца эти люди вполне устраивали; каждый являлся опытным бойцом и каждый трепетал перед хозяином. В его руках они были подобны трем матерым волкам, предводителям серой безжалостной стаи убийц.

Взгляд мага скользнул по их лицам: Торкол мял в широкой ладони усы, Фингаст и Сигворд, заросшие до самых глаз рыжими бородами, выглядели бесстрастными – только рваный шрам на щеке Фингаста медленно багровел, наливаясь кровью. Боятся, подумал стигиец; знают, что мановением руки он может превратить их в грязных кабанов с обломанными клыками. Либо в медведей, полярных или бурых, на выбор. Сознание своей власти несколько улучшило его настроение. Он повернулся к распахнутому окну и промолвил:

– Кончается весна... Скоро воитель Эйрим Высокий Шлем выведет в море свои корабли...

– Еще не скоро, господин, – почтительно возразил Сигворд. – Волею Имира морские льды в наших краях вскроются только через тридцать или сорок дней. И снег у стен Кро Ганбора едва начал таять.

– Эйрим удачливый и храбрый воин, – продолжал маг, будто бы не слыша слов Сигворда и упоминания об Имире, Ледяном Великане, властвовавшем над Ванахеймом. – У Эйрима три хороших крепких корабля и двести бойцов, свирепых, как оголодавшие волки. Эйрим грабил пиктов, барахтанцев, Аквилонию, Зингару и Аргос... он даже добирался до Шема.

– Богатая усадьба, корабли и люди остались ему от отца, – Торкол завистливо ухмыльнулся. – А когда за тобой идет две сотни клинков, легко сделаться удачливым и храбрым.

Стигиец пристально уставился на Торкола. Рослый ванир, облаченный в медвежий плащ поверх медной кольчуги, не мог выдержать взгляд колдуна; спустя мгновение он опустил глаза и прошептал:

– Впрочем, господин, если ты считаешь, что Эйрим удачлив и храбр, значит, так оно и есть.

– Конечно, отцеубийца! И если я скажу, что у Эйрима две головы, и на каждой – длинные уши, как у сирюнча, это тоже будет верно!

Ван покорно склонил голову в рогатом шлеме, буркнув:

– Господин мудр...

– И грозен, – добавил Фингаст, поглаживая шрам. – Он карает всякого, кто противится его воле. Он...

Стигиец махнул рукой, заставив Фингаста умолкнуть.

– Так вот, об удачливом Эйриме... об Эйриме Высоком Шлеме... Его ладьи могут взять три или четыре сотни бойцов. И на этих кораблях можно не только плавать вдоль побережья и грабить зингарских да аргосских купцов – они годятся также для далекого морского похода, ибо крепки, надежны и быстроходны. И я хочу, чтобы Эйрим отправился в океан. На запад от Барахских островов, к закату солнца. Есть там один клочок земли...

Сигворд, самый рассудительный, с сомнением покачал головой.

– Вряд ли он согласится, господин. Во-первых, что он промыслит в океане, на том клочке земли? Купцы, известное дело, плавают вдоль берега... А во-вторых, ни один вождь прибрежных ванов не идет в набег со всеми своими ладьями. Один корабль оставляют в усадьбе, чтобы охотиться на китов и моржей, иначе в зимнее время все помрут с голоду. В южных странах можно взять золото и серебро, но если не будет мяса и жира, как скоротать зиму? И еще пиво... ячменное пиво, мой господин! Его выменивают в Восточном Ванахейме на мясо кита. Не будет мяса, не будет и пива! – Сигворд снова покачал головой и добавил: – Нет, Эйрим не согласится, клянусь ледяной бородой Имира!

– Не поминай своего ничтожного божка! – Глаза мага мрачно сверкнули. – Что же до Эйрима, то никто не спрашивает его согласия, червь! Я желаю, чтобы он плыл со своими людьми куда велено! А наградой будет хорошая добыча – такая, что корабли его осядут на три локтя! Будут дорогие камни, будет золото и серебро, будет и пиво, тупая башка!

– Если он доберется до этого золота и серебра. С океаном, господин, не шутят...

– Не шутят со мной! А волны и ветры не станут Эйриму помехой, ибо я поплыву с ним. И вы тоже... двое из вас...

Головы воинов склонились.

– Как повелит господин...

Стигиец кивнул. Разумеется, как повелит господин! И Эйрим, чья усадьба расположена всего в двух днях пути к югу, тоже знает, что спорить с владыкой Кро Ганбора небезопасно. Вряд ли он сделает это; скорее, поинтересуется насчет добычи и ее дележа. А дележ прост: ванирам – золото, серебро и камни, ему – женщину!

Маг отвернулся к окну, прикидывая, хватит ли у него силы справиться с бурей, которую может наслать эта рыжая ведьма, Владычица Острова Снов. Но то были бесплодные размышления: либо прежняя мощь вернется к нему, либо он будет рассчитывать лишь на свой опыт и искусство. В любом случае он доберется до этой женщины!

Взгляд его вновь обратился к трем воинам.

– Ты, Торкол, поедешь к Эйриму. Скажи, что я посылаю его на остров в Западном океане, лежащий к закату солнца от Барахов. Скажи, что там много золота – так много, что, возвратившись, он сможет скупить весь Ванахейм и Асгард в придачу. Скажи, что он может не бояться бурь и штормов, ибо я поеду с ним... – После недолгого размышления стигиец добавил: – Еще скажи, что если он не выполнит мою волю, то не доживет до зимы. И никто не доживет в его жалком крысятнике! Я пошлю ураган, который сметет в море и дома его, и корабли, и запасы пива, и людей – всех до единого!

– Да, господин. Я все передам, как ты велел, – Торкол снял шлем и отер вспотевший лоб.

Маг уставился холодным взглядом на Фингаста и Сигворда.

– Ты, Фингаст, соберешь пятьдесят воинов из самых лучших. Пусть готовят секиры и мечи, вино и копченую вепрятину, сушат хлеб и острят стрелы. Запастись всем на две луны. И скажи им про золото, что ждет каждого на том острове... а еще скажи, что все достанется им, а не людям Эйрима. Но лишнего пусть не болтают! Ты понял меня, Фингаст? – Дождавшись, когда воин со шрамом кивнул, стигиец резко повернулся к третьему из предводителей своей дружины: – Ты останешься в Кро Ганборе, Сигворд. В мои покои не заходить и не лакать вино днем и ночью, ясно? Если стражи заскучают, отпусти их поразмяться в ближних усадьбах – но так, чтобы в замке оставалось не меньше тридцати бойцов! Сам же никуда не уходи.

Сигворд кивнул. Он редко покидал крепость, опасаясь мести прежнего своего хозяина, Рейрима; тот был злопамятен, силен и имел много сторонников в Срединном Ванахейме. Любой из побратимов и приятелей Рейрима с радостью преподнес бы ему голову бунтовщика.

– Идите! – Стигиец повел глазами в сторону двери.

Три воина вышли из зала, лишь Фингаст задержался на пороге, спросив, к какому сроку готовить людей. Через луну, сказал маг, когда вскрыется море, раз нельзя выступить раньше.

Раньше... Раньше он сумел бы поднять такой ветер, что льды бы лопнули как панцирь краба под боевым молотом! И сам Имир, Ледяной Великан, забился бы в щель вместе со всем своим гнусным потомством, сыновьями и дочерьми, полагающими себя владыками вьюг и снегов... Ну, поглядим, подождем... быть может, Сила еще вернется. А не вернется, так он сам нагрянет на остров зеленоглазой ведьмы! Нагрянет с дружиной ваниров, из коих каждый равен пяти бойцам теплых земель! Недаром же ванирские легенды утверждают, что произошли эти дикие и кровожадные люди от таких же диких и кровожадных обезьян, выживших в ледяной тундре. Дикари! И поклоняются они дикарю – дикому великану Имиру, заросшему волосами от макушки до пят...

Усмехнувшись, стигиец представил, как его воины и бойцы Эйрима вспарывают животы слугам рыжей. Если удастся добраться до острова, с охранниками ведьмы проблем не возникнет... Разве то люди? Так, иллюзия, сотворенная из песка и камней... Другое дело, киммериец, забравшийся к ней на ложе. Ну, его можно отдать Эйриму: ваны и киммерийцы недолголюбивают друг друга, и этот безродный бродяга примет нелегкую смерть.

А после него упокоится и Эйрим, подумал маг, неторопливо возвращаясь к черному алтарю. В окрестностях Кро Ганбора не должно быть слишком удачливых и слишком храбрых воинов.

* * *

Прищурившись, Владычица Острова Снов глядела на лицо спящего Конана. Оно не отличалось красотой и правильностью черт, но было в нем нечто, пленяющее женское сердце... Очертания подбородка и скул говорили о нраве упрямом и твердом, крутой лоб в завитках темных волос свидетельствовал об уме, плотно сомкнутые губы – о немногословии и решительности; в изломе же густых бровей читалось нечто грозное, напряженное, будто тетива лука, с которой в любой момент готова прянуть стрела. Нет, он не отличался красотой – он был прекрасен! Так прекрасен, как только может быть прекрасен мужчина в глазах влюбленной женщины.

* * *

Сегодня она нарочно ослабила защиту, чтобы стигиец подсмотрел все – все то, в чем было отказано ему. Все, чего он никогда не получит! Ни ласки ее рук, ни сладости губ, ни аромата волос, ни последнего наслаждения, самого сокровенного и пьянящего! Всего, что подарено ею этому дикарю, могучему варвару с севера...

А стигиец пусть смотрит, пусть бесится! Великий маг, великий Гор-Небсехт! Пусть смотрит!

То была ее маленькая месть за разрушенный остров, самая утонченная пытка, которой женщина может подвергнуть возжелавшего ее мужчину – показать, как она отдается другому. Унизить и растоптать стигийца, жаждавшего ее любви!

Разумеется, моральные муки были только иллюзией мести, ибо не могли истребить ненавистного стигийца полностью и до конца. Она давно расправилась бы и с его телесной оболочкой, если б не обитавший в теле колдуна древний демон, Аррак, Дух Изменчивости, Великий Ускользящий... Аррак хранил Гор-Небсехта и защищал от ее чар. Аррак одаривал его силой, повелевающей стихиями. Аррак хранил его от ночных кошмаров, верных слуг Владычицы Снов. Аррак помогал ему видеть половину мира, и в этой половине, к несчастью, находился и остров Дайомы – в ином случае стигиец никогда не узрел бы ее, не заметил, не возжелал... А, не заметивши, не стал бы и помогать.

Уже несколько дней мысли Дайомы вращались вокруг плана, медленно зревшего в ее уме, обретавшего необходимую завершенность и отточенность. Словить одной сетью двух птиц! То был замысел, достойный ее хитрости, ее магического искусства, ее женского коварства. Удержать Конана и разделаться со стигийцем, пройти по лезвию между правдой и ложью, отсечь ненужное, сохранить дорогое... Вновь и вновь она обдумывала цепь грядущих событий, рассматривала ее, проверяла на прочность каждое звено – ибо, не обладая даром предвидения, могла полагаться лишь на трезвый расчет.

Несомненно, Гор-Небсехт был смертен. Если пронзить его сердце клинком – не простым, но зачарованным и подготовленным к сему деянию – стигиец умрет, как любой человек, чья плоть бессильна против острой стали. Дайома могла наложить чары на губительное

оружие; ей были известны все нужные заклятья, и меч, кинжал или топор, заколдованные ею, рассекли бы не только тело стигийского мага, но даже неподатливый камень. Итак, в этой части плана трудностей не предвиделось.

Смертоносный клинок, разумеется, убил бы только Гор-Небсехта, но не демона, обитавшего в нем. Аррак уйдет, неуловимый, как душа, исторгнутая из тела колдуна; покинет мертвую плоть стигийца и тут же подыщет себе новое пристанище. Какое? Не исключено, что обителью Аррака станет тот, кто уничтожил Гор-Небсехта.

Почему бы и нет? Дух Изменчивости по природе своей любил перемены. После двух сотен лет, проведенных в теле стигийского мага, он вполне мог польститься на крепкую могучую плоть киммерийского воина. Не простого воина, воителя из воителей! Героя, каких не видел хайборийский мир! Ее возлюбленного!

Такой поворот событий не устраивал Дайому, и долгие ночи, выпустив на свободу сновидения из серебряного и черного сундуков, она посвятила размышлениям о том, как защитить своего киммерийца. Тут требовалось нечто особенное; тут не подходили ни заклятья невидимости, ни обычные защитные чары, коими можно было бы оберечь Конана от человека либо зверя. Аррак провидел глубоко и обладал Силой – слишком могучей силой, чтобы тягаться с ним в открытую. Однако Владычица Острова Снов была не только чародейкой, но и женщиной. И, будучи женщиной, она знала: там, где бессильно магическое искусство, можно использовать коварство и хитрость.

Например, создать разум – ничтожный и жалкий разум, каким побрезговал бы распоследний нищий, пьянчужка из аргосских кабаков или развратная зингарская шлюха. Сотворить такое псевдосущество, вселить в некий предмет и прикрыть им, словно невидимым щитом, истинную сущность Конана. Вряд ли тогда он вызовет интерес у разборчивого Аррака... С подобным амулетом, свидетельством ничтожности, ее киммериец не сделается добычей демона...

Так думала Владычица Дайома, уже прикидывая, какой разум она сотворит, призвав на помощь великую Иштар и светлого Ормазда, и куда его вселит – то ли в зачарованный перстень, то ли в ожерелье, то ли в боевой браслет с длинными шипами, то ли в рыцарский пояс из стальных пластин. В конце концов, наголовный обруч показался ей самым подходящим предметом, ибо был ближе всего к тому месту, которое надлежало защитить – к голове. Находясь там, размышляла Дайома, ее амулет создаст отличную иллюзию; распознать ее под силу разве что всеведущему Митре или мудрому Ормазду, но никак не опальному демону, сосланному в мир земной за неведомые грехи. Хоть Аррак и сохранил часть прежней своей силы, однако не ему тягаться с великими богами!

Значит, покинув тело Гор-Небсехта, он изберет не Конана, но кого-то другого... К примеру, воина из замковой стражи или слугу, а потом отправится в его теле на поиски более подходящей добычи. Но в кого бы он ни вселился, этот новый избранник не будет знать о Дайоме и Острове Снов, и не нарушит ее покоя. Самому же Арраку женщины безразличны; любимые игрушки демона – стихии, ветры, подземный огонь, великие державы и империи. Судьбы отдельных людей, если только речь не идет об его избранниках, Аррака не интересуют.

Прекрасный план, решила Дайома. Она зачарует кинжал своего возлюбленного, а в наголовный обруч вселит разум шелудивого шакала, наемного убийцы, коим побрезговал бы даже Нергал. И добавит кое-что еще! Скажем, все нужные заклятья, чтобы проклятый маг не превратил ее киммерийца в шерстистого медведя или злобного кабана... Обруч же лучше сделать простым и незаметным – из темного железа, без всяких украшений и тайных надписей, дабы никто не польстился на него и не украл во время странствий ее посланца. Люди так жадны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.